

КОЛИН МАККАЛОУ

Песнь о Трое

Колин Маккалоу: Золотая коллекция

Колин Маккалоу

Песнь о Трое

«Издательство АСТ»

1998

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

Маккалоу К.

Песнь о Трое / К. Маккалоу — «Издательство АСТ»,
1998 — (Колин Маккалоу: Золотая коллекция)

ISBN 978-5-17-092334-2

Роман «Песнь о Трое» – интересная и яркая попытка рассказать о Троянской войне с точки зрения самых разных ее участников, причем с обеих сторон конфликта – Елены и Агамемнона, Одиссея и Патрокла, Гектора и многих других персонажей великого мифа, – которые, впрочем, в «Песни о Трое» предстают вовсе не героями в античном смысле слова, а обычными людьми, со своими сильными и слабыми сторонами. Людьми, в равной степени способными как на весьма неприглядные, так и на весьма возвышенные и даже поразительные поступки. Так что же они думали и чувствовали, что любили и ненавидели, на что надеялись и о чем мечтали – мужчины и женщины, которым довелось стать участниками самой масштабной войны и самой ужасной трагедии далекой древности?

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-17-092334-2

© Маккалоу К., 1998

© Издательство АСТ, 1998

Содержание

Глава первая	8
Глава вторая	20
Глава третья	32
Глава четвертая	39
Глава пятая	50
Глава шестая	59
Глава седьмая	65
Глава восьмая	71
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Колин Маккалоу

Песнь о Трое

Colleen McCullough
The Song of Troy

© Colleen McCullough, 1998

© Перевод. М. Нуянзина, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

*Моему брату Карлу, который погиб 5 сентября 1965 года, спасая
тонувших в море эсеници*

Все у него, и у мертвого, что ни открыто, прекрасно!
Гомер. Илиада. Песнь 22.¹

---

¹ Пер. Н. Гнедича.

Глава первая (рассказанная Приамом)

Ни одному городу не сравниться с Троей. Молодой жрец Калхант, в пору ученичества посланный в египетские Фивы, вернувшись, не мог скрыть своего разочарования пирамидами, которые стоят вдоль западного берега Реки Жизни. По его словам, превосходство Трои было бесспорным, ведь она вздымалась выше пирамид и ее постройки предназначались для живых, а не для мертвецов. Лишь одно обстоятельство могло оправдать египтян – их боги не отличались особым могуществом. Египтяне двигали камни руками смертных, тогда как могучие стены Трои возвели сами боги. Вавилон Калхант назвал карликом, увязшим в речной тине, – его стены похожи на плод детской забавы и с Троей ему бессмысленно тягаться.

Никто не помнит, когда были построены наши стены: так давно это было, – но каждый знает легенду о них. Дардан (сын царя богов Зевса) завладел квадратным полуостровом в самой верхней части Малой Азии, где с севера воды Понта Эвксинского вливаются в Эгейское море через узкий пролив Геллеспонт. Это новое царство Дардан разделил на две части. Южную он отдал своему второму сыну, который нарек свои владения Дарданием и устроил столицу в Лирнесе. Пусть и меньшая по размеру, северная часть была намного богаче благодаря возложенной на нее обязанности охранять Геллеспонт и праву взимать налог с торговцев, покидавших пределы Понта Эвксинского или возвращавшихся обратно. Эта часть получила имя Троида. А на Троянском холме стоит Троя, ее столица.

Зевс любил своего смертного сына, поэтому, когда Дардан попросил у божественного отца нерушимые стены для Трои, был рад выполнить эту просьбу. В то время двое из богов были у него в немилости: Посейдон, владыка морей, и Аполлон, повелитель света. Им было приказано отправиться в Трою и построить самый высокий, широкий и крепкий крепостной вал в ойкумене².

Утонченный и привередливый Аполлон счел это не совсем подходящим для себя занятием и предпочел играть на лире, нежели копать в грязи и покрываться потом, – легковерному же Посейдону он объяснил, будто помогает времени течь, пока растут стены. Поэтому Посейдон клал камни, а Аполлон услаждал его слух музыкой.

Посейдон работал за плату – вечную дань в сто талантов золота, которые должны были выплачиваться ежегодно его храму в Лирнесе. Царь Дардан согласился. С тех незапамятных времен сто талантов золота ежегодно посылались в храм Посейдона. Но вскоре после того, как троянский трон перешел к Лаомедонту, моему отцу, случилось землетрясение такой силы, что разрушило дворец царя Миноса на Крите и стерло с лица земли царство острова Тера. Наша западная стена обвалилась, и отец нанял инженера-ахейца Эака, чтобы отстроить ее заново.

Эак поработал на славу, хотя вновь построенная им стена и не могла сравниться по гладкости и красоте с остальной частью крепостного вала, возведенного богом.

Договор с Посейдоном (Аполлон не снизошел до того, чтобы требовать плату за свои музыкальные упражнения), по словам отца, утратил силу: стены оказались вовсе не такими уж прочными, – поэтому он решил, что ежегодную дань в сто талантов золота храму Посейдона в Лирнесе он больше платить не будет. Никогда. Внешне этот довод казался вполне справедливым, если бы не одно «но». Боги наверняка знали то, что знал даже я, мальчишка: царь Лаомедонт был неисправимым скупцом и всегда негодовал при мысли о том, сколько драгоценного троянского золота отправляется в храм, стоящий в городе, которым правила династия родственников-соперников.

---

² Ойкумена – общее название границ обитаемого мира. – *Здесь и далее примеч. пер., кроме особо оговоренных случаев.*

Так или иначе, платить дань перестали, и ничего не произошло за все те годы, которые понадобились мне, чтобы превратиться из мальчишка в зрелого мужа.

Поэтому, когда пришел лев, никто не связал его появление с оскорбленными богами или городскими стенами.

К югу от Трои, на зеленой равнине, находился конный завод отца – его единственная забава, – но даже забава должна была приносить царю Лаомедонту прибыль. Некоторое время после того, как ахеец Эак отстроил заново западную стену, в Трою пришел путник из такой далекой страны, что нам ничего не было о ней известно, кроме того, что горы там подпирают небо, а трава самая сладкая в ойкумене. С собой путник привел десять коней – трех жеребцов и семь кобыл. Никогда прежде не видали мы таких коней – высоких, быстрых, грациозных, с длинными гривами и пышными хвостами, с симпатичными мордами, спокойных и послушных. Они словно были созданы для колесницы! Стоило отцу бросить на них взгляд, и судьба путника была решена. Он умер, а кони его перешли в собственность царя Трои. И он вывел из них породу настолько знаменитую, что торговцы со всей ойкумены приезжали покупать кобыл и мерингов, – отец был слишком умен, чтобы продать хоть одного жеребца.

Равнину, предназначенную для конского пастбища, делила надвое старая, имеющая дурную славу тропа, по которой когда-то львы уходили на лето из Малой Азии на север, в Скифию, и возвращались зимовать обратно на юг, в Карию и Ликию, где солнце сохраняло достаточно силы, чтобы греть их темно-желтую шкуру. Охотники истребили львов, и львиная тропа превратилась в тропу к водою.

Шесть лет назад в город прибежали селяне, мертвенно-бледные от ужаса. Я никогда не забуду выражения лица моего отца, когда они сказали ему, что три его лучшие кобылы мертвы и один жеребец искалечен – все стали жертвами льва.

Не таким человеком был Лаомедонт, чтобы дать волю бездумному гневу. Сдержанным тоном он приказал отряду дворцовой стражи встать на тропе, когда снова придет весна, и убить чудовище.

Это был не простой лев! Каждую весну и осень проходил он по тропе – так незаметно, что никто его не видел, – и убивал добычи намного больше, чем могло вместить его брюхо. Он убивал из любви к убийству. Два года спустя после его появления стража увидела его, когда он напал на жеребца. Они пошли ему наперерез, стуча мечами о щиты, намереваясь загнать его в угол и забить копьями, но лев с ревом встал на дыбы, бросился на стражников и прорвался сквозь их ряды, словно валун, который катится под откос. Они бросились врассыпную, и царственный хищник убил семерых, а сам целым и невредимым продолжил свой путь.

Но из этой беды вышла только польза. Один из пострадавших от когтей стражников выжил и отправился к жрецам. Он рассказал Калханту, что лев носит на теле метку Посейдона: на его светлом боку проступал черный трезубец. Калхант тут же обратился к оракулу и объявил, что лев принадлежит Посейдону. «Горе тому троянцу, который поднимет на него руку!» – воскликнул Калхант, ибо лев послан Трое в наказание за то, что она отказалась платить владыке морей ежегодную дань в сто талантов золота. И он не уйдет, пока выплата дани не возобновится.

Вначале отец оставил слова Калханта и предсказание оракула без внимания. Осенью он снова приказал дворцовой страже убить чудовище. Но царь недооценил страх, который внушают простому человеку боги: даже под угрозой казни стражники отказались выполнить приказ. Сдерживая ярость, царь сообщил Калханту, что не будет посылать троянское золото в дарданийский Лирнесс – пусть жрецы предложат другой выкуп. Калхант снова обратился к оракулу, который прямо заявил, что это возможно. Если каждую весну и осень шесть девственниц, выбранных по жребью, будут прикованы на пастбище на съедение льву, Посейдон будет удовлетворен – на какое-то время.

Естественно, царь предпочел отдавать богу девственниц вместо золота, и новый план привели в исполнение. Он никогда по-настоящему не доверял жрецам, и не потому, что был святотатцем – он отдавал богам сполна то, что, как он полагал, им причиталось, – а потому, что ненавидел терять деньги. Поэтому каждую весну и осень всех дев, достигших пятнадцатилетнего возраста, закутывали с головы до ног в белый саван, чтобы их нельзя было узнать, и выстраивали на внутреннем дворе Посейдона, воздвигателя стен, где жрецы выбирали в жертву шесть безымянных белых коконов.

Уловка сработала. Дважды в год лев проходил по тропе, убивал дрожащих, закованных в цепи дев и оставлял лошадей нетронутыми – ничтожная плата за спасенную гордость царя Лаомедонта и сохранение дела, приносившего ему прибыль.

Четыре дня назад шесть дев были выбраны для осеннего жертвоприношения: пять были из города, шестая же – из внутренней крепости, из дворцовых палат, любимое дитя моего отца, его дочь Гесиона. Когда Калхант принес нам эту новость, сначала отец не поверил:

– Неужели ты оказался таким идиотом, чтобы не поставить на ее саване метку? С моей дочерью обошлись так же, как с остальными?

– На то воля бога, – спокойно ответил Калхант.

– Бог не желает, чтобы моя дочь была выбрана в жертву! Он хочет получить шесть девственниц, только и всего! Поэтому, Калхант, выбери другую.

– Не могу, царь.

Калхант стоял на своем. Выбор был сделан божественной рукой, а значит, именно Гесиону нужно принести в жертву, и никого другого.

Хотя никто из придворных не был свидетелем их напряженной и гневной беседы, слух о ней разнесся по всей внутренней крепости, достиг каждого ее уголка. Лизоблюды вроде Антенора во весь голос осуждали жреца, в то время как царские дети, включая меня, его наследника, думали, что наконец-то отцу придется смириться и вернуть Посейдону ежегодную дань в сто талантов.

На следующий день царь созвал совет. Конечно же, я был там – наследник должен слышать все решения царя из его собственных уст.

Он держался спокойно и невозмутимо. Царь Лаомедонт был очень маленького роста, его молодость давно миновала, и теперь в длинных волосах просвечивало серебро. Его одеяние было украшено золотом. Только голос его всегда нас удивлял, настолько он был глубок, благороден, мелодичен и силен.

– Моя дочь Гесиона, – обратился он к собравшимся перед ним сыновьям, двоюродным братьям и прочим родственникам, – согласилась принести себя в жертву. Этого требует от нее бог.

Возможно, Антенор и догадывался, что скажет царь, но мы с моими младшими братьями – нет.

– Господин! – воскликнул я, не в силах сдержаться. – Вы не позволите! В тяжкие времена царь может принести себя в жертву ради народа, но его девственные дочери принадлежат Артемиде, а не Посейдону!

Не по нраву ему пришлось, что старший сын порицает его перед придворными; он поджал губы и выпятил грудь.

– Моя дочь была выбрана, Подарк Приам! Выбрана Посейдоном!

– Посейдону было бы больше по нраву получать сто талантов золота для Лирнесского храма, – процедил я сквозь зубы.

В эту минуту я увидел ухмылку Антенора. Он обожал слушать, как царь ссорится со своим наследником.

– Я отказываюсь, – заявил царь Лаомедонт, – платить добытое тяжким трудом золото богу, который построил западную стену недостаточно прочной для им же посланного землетрясения!

– Ты не пошлешь Гесиону на смерть, отец!

– Не я посылаю ее на смерть. Это Посейдон!

Жрец Калхант дернулся, но тотчас снова замер.

– Смертному вроде тебя, – сказал я, – не должно винить богов в своих собственных ошибках.

– Ты хочешь сказать, я делаю ошибки?

– Все смертные делают, даже царь Трояды.

– Убирайся вон, Подарк Приам! Вон отсюда! Кто знает? Может, на будущий год Посейдон попросит в жертву наследников трона!

Аntenор продолжал улыбаться. Я повернулся и вышел из комнаты – искать успокоения у города и ветра.

Холодный, сырой ветер с дальних вершин Иды остудил мой гнев, пока я шагал вдоль украшенной флагами террасы, расположенной снаружи тронного зала, и пересчитывал ногами ступеньки – все двести, – ведущие на самую вершину внутренней крепости. Там, высоко над равниной, я обхватил руками обтесанные людьми камни: внутреннюю крепость построили не боги – это сделал Дардан. Что-то проникло в меня из этих вытесанных в аккуратные кубы костей матери Земли, и в тот момент я почувствовал власть, которую несет в себе царский титул. Сколько еще лет должно пройти, прежде чем я получу золотую тиару и сяду на трон из слоновой кости – трон Трои? Сыновья Дардана жили очень долго, а Лаомедонту еще не исполнилось и семидесяти.

Я долго наблюдал, как подо мной, в городе, снуют туда-сюда люди, потом перевел взгляд вдаль, к зеленым равнинам, где драгоценные кони царя Лаомедонта вытягивали длинные шеи, толкаясь и выхватывая друг у друга траву. Но зрелище это лишь разбередило рану. Я обратил взор на запад, где лежал остров Тенед: над портовой деревушкой у Сигейского мыса клубился черный дым от горящих для обогрева жаровен. Дальше к северу синие воды Геллеспонта притворялись небом; серел изгиб песчаной косы между устьями Скамандра и Симоиса – рек, которые орошали Трояду, питая урожаи пшеницы и ячменя, колосающиеся на ветру, шепчущем свою вечную песню.

В конце концов ветер прогнал меня с парапета в огромный внутренний двор, расстилавшийся перед входом в дворцовые покои, и там я ждал, пока мальчик-слуга приведет колесницу.

– Вниз, в город, – сказал я вознице. – Дай лошадям волю, пусть сами бегут.

Главная дорога спускалась от внутренней крепости и примыкала к извилистой аллее, которая опоясывала изнутри городские стены. Стены, построенные Посейдоном. На перекрестке этих двух дорог стояли одни из трех ворот Трои, Скейские. Я не помню, чтобы они когда-нибудь закрывались; говорят, это случалось только во время войн, но нет на свете такого народа, который мог бы пойти войной на Трою.

Высота Скейских ворот – двадцать локтей, и сделаны они из огромных бревен, скрепленных вместе бронзовыми гвоздями и пластинами. Они были слишком тяжелыми, чтобы висеть на петлях, даже самых больших из тех, которые способен выковать человек. Вместо этого они открывались по принципу, изобретенному, как говорят, лучником Аполлоном, когда тот грелся на солнце, созерцая тяжкий труд Посейдона. Низ цельного полотнища ворот покоился на огромном круглом валуне, положенном в глубокую изогнутую канаву и опутанном массивными бронзовыми цепями. Если ворота нужно было закрыть, стадо из тридцати быков впрягалось в цепи и валун локоть за локтем полз по дну канавы.

Когда был мальчишкой, я сторал от любопытства: хотелось увидеть это зрелище – и умолял отца впрячь быков в цепи, а он со смехом отказывался. И вот теперь я, человек сорока лет

от роду, муж десяти жен и владелец пятидесяти наложниц, по-прежнему жажду увидеть, как закрываются Скейские ворота.

Через ворота была перекинута ступенчатая арка, соединяющая обе стены, поэтому каральная тропа на вершине шла, не прерываясь, по всему крепостному валу. Скейская площадь, раскинувшаяся перед воротами, всегда находилась в тени этих фантастических, воздвигнутых богом стен. Они возвышались на тридцать локтей, гладкие и ровные, блестящие на солнце, когда оно освещало их своими лучами.

Я кивнул вознице, чтобы тот продолжал путь, но не успел он тряхнуть вожжами, как я передумал и остановил его. Через ворота на площадь вошла группа людей. Ахейцев. Это было видно по их одеждам и манере держаться. На них были кожаные юбки или обтягивающие, по колено, кожаные штаны; некоторые выше пояса были обнажены, некоторые щеголяли в распахнутых на груди кожаных рубахах. Одежды были богато украшены золотым орнаментом и кисточками из окрашенной кожи. Талии были туго стянуты широкими поясами из золота и бронзы, отделанной ляпис-лазурью; из мочек ушей свисали бусины из отшлифованного горного хрусталя; у каждого на шее красовался великолепный, расшитый жемчугом воротник-ошейник; очень длинные волосы были завиты в аккуратные кудри.

Ахейцы вообще были выше и крупнее троянцев, но эти были выше, крупнее и страшнее, чем кто-либо виденный мной в жизни. Только богатство их одежд и оружия говорило о том, что это не простые грабители, ибо у них были копья и длинные мечи.

Во главе выступал человек, исключительность которого не подлежала сомнению, – гигант, возвышавшийся над остальными членами группы как башня. Ростом он был не меньше шести локтей, а плечи его напоминали темные горы. Его массивную, выступающую вперед нижнюю челюсть покрывала черная как смоль остроконечная борода, а черные волосы, хотя и коротко подстриженные, непокорно падали на брови, которые нависали над его глазами, будто карниз. Его единственным одеянием была свисавшая с левого плеча и подхваченная под правым шкура огромного льва, голова которого, словно капюшон, висела у него на спине, пугая хищным оскалом огромных клыков.

Он обернулся и поймал мой пристальный взгляд. Переполненный чувствами, я заставил себя посмотреть в его широко открытые спокойные глаза – глаза, которые видели все, вытерпели все, испытали унижение, какому боги могут подвергнуть смертного. Глаза, в которых сверкал острый ум. Я почувствовал себя припертым к стене дома, который стоял у меня за спиной, – мой дух обнажен, мой разум открыт его воле.

Но я собрался с покинувшим было меня мужеством и гордо выпрямился во весь рост, ведь моим был великий титул, моей – колесница с золотой чеканкой, моей – пара белых коней, прекрасней которых он никогда не видал. Моим был самый великий город во всей ойкумене.

Он двинулся сквозь гомон рыночной толпы, будто ее и не было, подошел прямо ко мне вместе с двумя следовавшими за ним товарищами и, протянув руку величиной с добрую ляжку, осторожно погладил черные морды белых коней.

– Ты из дворца и, наверно, царского рода? – спросил он очень низким голосом, хотя надменности в нем не было.

– Меня зовут Подарк по прозвищу Приам, я сын и наследник Лаомедонта, царя Трои.

– Меня зовут Геракл.

Я уставился на него, открыв рот. Геракл! Геракл в Трое! Я облизал пересохшие губы.

– Это большая честь, мой господин. Согласен ли ты быть гостем в доме моего отца?

Его улыбка оказалась на удивление милой.

– Благодарю тебя, царевич Приам. Распространяется ли твое приглашение на моих спутников? Они все из благородных эллинских родов и не посрамят ни меня, ни твоего дома.

– Конечно, мой господин Геракл.

Он кивнул своим спутникам, стоявшим у него за спиной, и подал сигнал подойти к нам поближе.

– Разрешите представить моих друзей. Это Тесей, царь Аттики, а вот Теламон, сын Эака, царь острова Саламин.

Я проглотил комок в горле. Вся ойкумена знала Геракла и Тесея; певцы-аэды без конца воспевали их подвиги. Эак, отец юного Теламона, когда-то отстраивал западную стену Трои. Сколько еще знаменитых людей было здесь, в маленьком отряде ахейцев?

Такая сила была в имени Геракл, что даже моего скупого отца оно заставило тряхнуть мощной и оказать знаменитому ахейцу царский прием. Поэтому в тот же день в тронном зале дворца был устроен пир. Обильные яства подавали на золотых блюдах, вино наливали в золотые кубки. Кифаристы, танцовщицы и акробаты услаждали слух и зрение пирующих. Не только я испытывал благоговение, но и мой отец тоже: каждый ахеец в отряде Геракла был царем в своих землях. Почему же тогда они согласились последовать за человеком, которому никогда не сидеть на троне, который выгребал навоз из конюшен и плоть которого была изгрызена, искутана и изжевана каждой мыслимой тварью, начиная от комара и кончая львом?³

Я сидел за высоким столом с Гераклом по левую руку и юным Теламоном по правую; отец занял место между Гераклом и Тесеем. Хотя неотвратимость жертвенной смерти Гесионы бросала мрачную тень на наше застолье, мы так тщательно это скрывали, что наши ахейские гости ничего не заметили. Беседа текла гладко, ибо они были мужчины утонченные, отлично образованные во всем, от арифметической гимнастики до слов поэтов, которые, так же как и мы, они знали наизусть. Только что же за люди были ахейцы на самом деле?

Между народами Малой Азии, включая Трои, и народами Эллады практически не было связи. Как правило, мы, жители Малой Азии, не питали приязни к ахейцам. Этот народ держался обособленно и был знаменит своим ненасытным любопытством – вот примерно и все, что было о них известно; однако сидящие за нашим столом мужчины были, несомненно, выдающимися даже среди своих соотечественников, ведь ахейцы выбирают себе царей не по крови, а по уму.

Мой отец особенно не любил ахейцев. За последние годы он заключил соглашения с разными царствами Малой Азии, отдав им львиную долю торговли между Понтом Эвксинским и Эгейским морем, – иными словами, жестко ограничил количество ахейских торговых судов, которым позволялось проходить через Геллеспонт. Ни Мизия с Лидией, ни Дардания с Карией, ни Ликия с Киликией не хотели торговать с ахейцами по самой простой причине: как-то так получалось, что тем всегда удавалось перехитрить их, заключить более выгодную сделку. И мой отец вносил свою лепту, держа ахейских купцов подальше от черных вод Понта Эвксинского. Все изумруды, сапфиры, рубины, золото и серебро, добытые в Колхиде и Скифии, шли в Малую Азию; тем немногим ахейцам, которым отец разрешил торговать в своих владениях, пришлось ограничиться покупкой олова и меди в Скифии.

Однако Геракл и его спутники были слишком хорошо воспитаны, чтобы обсуждать болезненные темы вроде торговых запретов. Они свели разговор к нашим высоким крепостным стенам, они восхищались ими, размером внутренней крепости и красотой наших женщин, хотя ее они могли оценить только по рабыням, которые ходили между столами, раздавая хлеб и мясо и разливая вино.

От женщин разговор, естественно, перешел на лошадей – я ждал, когда же Геракл затронет эту тему, ибо запомнил, как его прозорливые черные глаза оценивали моих белых коней.

---

³ Подразумеваются двенадцать подвигов, совершенных Гераклом, в том числе чистка авгиевых конюшен. – *Примеч. ред.*

– Кони, которые везли сегодня колесницу твоего сына, были великолепны, мой господин, – наконец промолвил Геракл. – Даже Фессалия не может похвастаться таким сокровищем. Вы когда-нибудь их продаете?

Лицо отца приняло свое обычное алчное выражение.

– Да, они прекрасны, и я продаю их, но, боюсь, цена покажется тебе непомерно высокой. Я прошу – и получаю – по тысяче талантов золота за кобылу.

Геракл с сожалением пожал могучими плечами:

– Возможно, я и мог бы позволить себе заплатить такую цену, мой господин, только сейчас мне нужно купить нечто более важное. То, что ты просишь, – поистине царская цена.

Больше он о конях не упоминал.

Когда ближе к вечеру свет начал уступать место тьме, отец сник, вспомнив о том, что на рассвете его дочь поведут на смерть. Геракл положил руку ему на плечо:

– Царь Лаомедонт, что тревожит тебя?

– Ничего, мой господин, совсем ничего.

Геракл улыбнулся своей милой улыбкой:

– Я знаю, как выглядит беспокойство, великий царь. Говори!

Последовал рассказ, хотя, конечно, отец выставил себя в лучшем свете, чем тот, который соответствовал действительности: Посейдон наслал на нас чудовище – льва, жрецы приказали приносить в жертву по шесть девственниц весной и осенью, и нынешней осенью жребий пал на его любимейшее дитя – Гесиону.

Геракл задумался.

– Что сказали жрецы? Ни один троянец не может поднять руку на чудовище?

Глаза царя блеснули.

– Именно так, мой господин.

– И твои жрецы не станут возражать, если на чудовище поднимет руку ахеец, верно?

– Логично предположить, что так и будет.

Геракл взглянул на Тесея и сказал:

– Я убил много львов, в том числе немейского, чья шкура висит у меня на плечах.

Отец разрыдался:

– О, Геракл, избавь нас от этого проклятия! Если ты сделаешь это, мы все будем у тебя в долгу. Я говорю не только за себя, но и за свой народ. Мы потеряли уже тридцать шесть наших дочерей.

Меня охватило приятное предчувствие, и я стал ждать, что будет дальше. Геракл дураком не был и не стал бы предлагать убить льва, посланца богов, без выгоды для себя.

– Царь Лаомедонт, – сказал ахеец, повысив голос, чтобы головы пирующих повернулись в его сторону, – предлагаю тебе сделку. Я убью твоего льва в обмен на пару коней, жеребца и кобылу.

Что отцу оставалось делать? Предложение было сделано прилюдно, он был ловко загнан в угол, и ему оставалось только согласиться на запрошенную цену или открыто признать себя бессердечным себялюбом перед целым двором – близкими и дальними родственниками. И он кивнул, искусно изображая радость.

– Если ты убьешь льва, Геракл, я дам тебе то, о чем ты просишь.

– Быть посему.

Геракл был очень спокоен, сидел с широко открытыми глазами, уставившись перед собой невидящим взглядом, не мигая и не замечая ничего вокруг. Потом он вздохнул, собрался с мыслями и заговорил, но не с царем, а с Тесеем.

– Мы пойдем завтра, Тесей. Мой отец⁴ говорит – лев придет в полдень.
Похоже, даже ахейцы, сидевшие за столом, испытали благоговейный страх.

* * *

С тяжелыми золотыми цепями на нежных запястьях, со щиколотками в золотых кандалах, в пышных одеждах, со свежезавитыми волосами и подкрашенными глазами, шесть дев ожидали жрецов перед храмом Посейдона, воздвигателя стен. Гесиона, моя сводная сестра, стояла среди них, спокойная и безропотная, и только дрожащий уголок нежного рта выдавал ее страх. Воздух полнился стенаниями и воплями родственников, лязгом тяжелых оков и прерывистым дыханием шести охваченных ужасом дев. Я остановился только для того, чтобы поцеловать Гесиону, и тут же ушел прочь. Она ничего не знала о том, на что решился Геракл, чтобы ее спасти.

Я не открылся ей, ибо тогда не верил, что нам удастся так легко избавиться от проклятия; и даже если Геракл убьет льва, Посейдон, повелитель морей, найдет взамен еще худшую кару. Но мои опасения развеялись, пока я спешил от храма к маленькой двери позади внутренней крепости, где Геракл собрал свой отряд. Только двух помощников выбрал он для охоты: убеленного сединами Тесея и юного Теламона. Задержавшись на минуту, он перекинулся словом с Пирифоем, царем лапифов, – я слышал, как он наказывал ему привести всех в полдень к Скейским воротам и ждать его там. Было видно, что он спешит, – ахейцы направлялись в земли амазонок, чтобы украсть пояс их царицы Ипполиты до того, как наступит зима.

После того удивительного транса в тронном зале накануне вечером никто не подвергал сомнению убежденность Геракла в том, что лев придет сегодня; хотя, если бы он действительно пришел сегодня, это стало бы его самым ранним переходом на юг. Но Геракл знал. Он был сыном Зевса, владыки всего сущего.

У меня было четверо родных братьев младше меня: Титон, Клитий, Ламп и Гикетаон. Мы все сопровождали Геракла вместе со свитой отца и прибыли на равнину раньше жрецов с девами. Геракл обошел пастбище вдоль и поперек, исследуя местность, потом вернулся к нам и выбрал место для засады; Теламон был вооружен боевым луком, Тесей – копьем. Оружием Геракла была огромная палица.

Пока мы карабкались на вершину холма, подальше от львиного носа и глаз, отец остался стоять на тропе, ожидая жрецов, как всегда в первый день жертвоприношения. Иногда несчастным юным созданиям приходилось ждать в золотых цепях много дней; постелью им служила голая земля, а компанией – младшие жрецы, которые, дрожа от страха, приносили им пищу.

Солнце было уже высоко, когда показалась процессия, начавшаяся у храма Посейдона, воздвигателя стен: жрецы толкали перед собой рыдающих дев, сопровождая ритуальный напев приглушенным боем в крохотные барабаны. Они прибили цепи к скобам в земле в тени вяза и удалились настолько поспешно, насколько позволяло им жреческое достоинство. Отец быстро присоединился к нам, и мы расположились в высокой траве под защитой холма.

Какое-то время я смотрел на пастбище без особого интереса, ведь до полудня было еще далеко. Вдруг юный Теламон выскочил из укрытия и помчался туда, где припали к земле девы, измученные тяжелыми кандалами. Отец пробормотал что-то насчет эллинской дерзости, видя, как юноша обнял мою сводную сестру за плечи и прижал ее голову к своей обнаженной смуглой груди. Гесиона была очень красива, и красота ее могла привлечь любого мужчину, но что за пустоголовое безрассудство – подбегать к ней, когда в любое мгновение мог появиться лев! Интересно, спросил ли Теламон разрешения на то у Геракла?

---

⁴ Зевс.

Руки Гесионы с отчаянием вцепились в его руки; он наклонил голову и прошептал ей что-то, а потом поцеловал долго и страстно, так, как не позволялось ни одному мужчине за ее короткую жизнь. Потом он смахнул ей слезы тыльной стороной ладони и как ни в чем не бывало вернулся на позицию, выбранную Гераклом. Взрыв хохота донесся до нас из засады ахейцев, а я задрожал от ярости. Жертвоприношение было священо, а они посмели смеяться! Но когда я взглянул на Гесиону, то увидел, что она потеряла весь свой страх и стоит, гордо выпрямившись во весь рост, – даже с расстояния было заметно, как сияют ее глаза.

До позднего утра веселились ахейцы и вдруг затихли. Слышался только беспокойный шум вечного троянского ветра.

К моему плечу кто-то прикоснулся. Решив, что это лев, я резко обернулся с заколотившимся в груди сердцем. Но это был Тиссан, мой дворцовый слуга. Он наклонился ниже и прошептал мне прямо в ухо:

– Царевна Гекаба зовет тебя, мой господин. Время пришло, и повитухи говорят, ее жизнь висит на волоске.

Ну почему женщины всегда делают все не вовремя? Я знаком приказал Тиссану сидеть тихо и повернулся обратно к тропе, устремив взгляд туда, где она уходила в углубление под вершиной холма. Птицы оборвали веселую переключку, ветер стих. Меня пробрала дрожь.

Лев взобрался на холм и, мягко ступая, вышел на тропу. Это был самый большой зверь, какого я когда-либо видел, с желто-коричневой шерстью, тяжелой черной гривой и черной кисточкой на хвосте. На его правом боку красовалась метка Посейдона – трезубец. На середине спуска, недалеко от того места, где лежал Геракл, он вдруг замер – лапа занесена над землей, огромная голова высоко поднята, хвост хлещет по бокам, ноздри нервно расширены. Потом он увидел своих замерших от ужаса жертв, и это приятное зрелище решило дело. Лев поджал хвост, напрягся и затрусил вперед, постепенно переходя на рысь. Одна из дев взвизгнула. Моя сестра прикрикнула на нее, и та замолчала.

Геракл поднялся над травой, гигант в львиной шкуре с палицей, свободно лежащей в правой руке. Лев застыл на месте, оскалив желтые клыки. Геракл взмахнул палицей и издал протяжный рык, а лев сжался, как пружина, и прыгнул на него. Геракл тоже прыгнул, прямо под занесенные вверх смертоносные когти, нанеся удар в львиное брюхо, покрытое черной клочковатой шерстью, с силой, которая лишила чудовище равновесия. Лев приземлился на задние лапы, подняв переднюю, чтобы сразить человека; палица опустилась. Когда она соприкоснулась с косматым львиным черепом, раздался тошнотворный хруст; лапа дрогнула, человек отступил в сторону. И снова поднялась палица и снова опустилась – звук второго удара был мягче, ибо пришелся на уже разможенный череп. Никакой битвы! Лев лежал, распростертый на исхоженной тропе, и пар шел от теплой крови, заливавшей черную гриву.

Пока Тесей и Теламон приплясывали от радости, Геракл вытащил нож и перерезал чудовищу горло. Отец и братья побежали вниз, к ликующим ахейцам, Тиссан проскользнул вслед за ними, а я повернул в другую сторону, возвращаясь домой. Моя жена Гекаба рожала, и ее жизнь была в опасности.

Женщины для нас не имели значения. Смерть в родах среди знати считалась обычным делом, и у меня было еще девять жен, пятьдесят наложниц и, если уж на то пошло, сотня детей. Но я любил Гекабу так, как не любил ни одну из остальных своих женщин; она стала бы моей царицей, когда я унаследую трон. До ребенка мне не было дела. Но что стал бы я делать, если бы она умерла? Да, Гекаба была важна для меня еще и потому, что была дарданкой и взяла своего брата Антенора с собой в Троию.

Когда я добрался до дворца, Гекаба еще рожала. Поскольку ни одному мужу не позволено присутствовать при женских таинствах, я провел остаток дня за другими делами, выполняя обязанности, которыми наш царь обычно пренебрегал.

С наступлением темноты я почувствовал беспокойство: от отца не было никаких известий, и ни в одном из дворцов на вершине Троянского холма не слышалось звуков праздника. До меня не долетало ни эллинских, ни троянских голосов. Только тишина. Странно.

– Мой господин!

Передо мной стоял мой слуга Тиссан, мертвенно-бледный, с глазами, расширенными от ужаса, его била дрожь.

– Что случилось? – спросил я, припоминая, что он задержался на львиной тропе, чтобы посмотреть, что будет дальше.

Он упал на колени и обхватил меня за щиколотки.

– Мой господин, я долго не смел двинуться с места! Потом я побежал! Я ни с кем не говорил, пришел прямо к тебе!

– Встань! Встань и говори!

– Мой господин, наш царь, твой отец, мертв! Твои братья мертвы! Все мертвы!

Мной овладело великое спокойствие: наконец-то я царь!

– Ахейцы тоже?

– Нет, господин! Ахейцы убили их!

– Говори медленнее, Тиссан, расскажи, что случилось.

– Человек по имени Геракл был очень доволен охотой. Он смеялся и пел, сдирая со льва шкуру, а двое других, Тесей и Теламон, поспешили к девам и разбили цепи. Когда шкура была разложена на солнце сушиться, Геракл попросил царя проводить его в конюшни: он сказал, что хочет поскорее выбрать жеребца и кобылу, ибо торопится в путь.

Тиссан остановился и облизал пересохшие губы.

– Продолжай.

– Царь очень разозлился, мой господин. Он стал отрицать, будто обещал Гераклу награду. Сказал, якобы лев был просто потехой. Мол, Геракл убил его на потеху. Даже когда Геракл и двое других ахейцев тоже разозлились, царь не уступил.

Отец, отец! Обсчитать бога, такого как Посейдон, – это одно: боги неторопливы с возмездием, – но Геракл и Тесей не боги, герои, а герои разят без промаха и намного быстрее.

– Тесей побледнел от ярости, мой господин. Он плюнул царю в ноги и обругал его старым лгуном и вором. Царевич Титон выхватил меч, но Геракл стал между ними и повернулся к царю. Он попросил его уступить и заплатить награду, как было обещано, – жеребца и кобылу. Царь ответил, дескать, он не позволит себя ограбить горстке эллинских наемников, а потом заметил, что Теламон обнимает царевну Гесиону. Он подошел к ним и ударил Теламона по лицу. Царевна разрыдалась, тогда царь ударил и ее. Остальное было ужасно, мой господин.

Слуга дрожащей рукой смахнул со лба пот.

– Постарайся, Тиссан. Расскажи, что ты видел.

– Геракл словно стал огромнее зубра, мой господин. Он схватил палицу и повалил царя на землю. Царевич Титон попытался ударить Тесея кинжалом, и тот нанизал его на копье. Теламон поднял лук и пристрелил царевича Лампа, а Геракл схватил царевичей Клития и Гикетона и раздавил им головы друг о друга точно ягоды.

– А где в это время был ты, Тиссан?

– Прятался, – ответил слуга, опустив голову.

– Ну, ты всего лишь раб, а не воин. Продолжай.

– Ахейцы, похоже, пришли в себя... Геракл поднял львиную шкуру и сказал, что времени искать лошадей у них нет, нужно немедленно выступать. Тесей указал на царевну Гесиону и заявил, мол, ее нужно взять в счет награды. Они отдадут ее Теламону, раз уж тот настолько очарован ею, и эллинская честь будет отомщена. Они сразу же отправились к Скейским воротам.

– Они уже вышли в море?

– Я спрашивал об этом по пути, мой господин. Привратник сказал, якобы Геракл появился вскоре после полудня. Ни Тесея, ни Теламона, ни царевны Гесионы он не видел. Все ахейцы ушли по дороге к Сигею, где стоял их корабль.

– А что с остальными пятью девами?

Тиссан снова поник головой.

– Не знаю, мой господин. Я думал только о том, как добраться до тебя.

– Чушь! Ты прятался до темноты, ибо боялся выйти. Найди домоправителя отца и расскажи ему разыскать дев. Тела отца и братьев тоже нужно привезти. Расскажи домоправителю все, что рассказал мне, и распорядись от моего имени. Ступай, Тиссан.

Геракл просил только двух коней. Двух коней! Неужели нет лекарства от скупости, даже если благоразумие советует проявить щедрость? Если бы только Геракл подождал! Он мог бы потребовать справедливости у царского двора – мы все слышали, как отец давал обещание. Геракл получил бы награду.

Гнев и жадность возобладали. И я стал царем Трои.

Позабыв про Гекабу, я спустился в тронный зал и ударил в гонг, созывая двор на совет.

Горя от нетерпения узнать исход встречи со львом – и от беспокойства, ибо час был уже поздний, – все тут же собрались в зале. Момент садиться на трон был неподходящий, поэтому я стоял рядом с ним и пристально смотрел на море любопытных лиц – моих сводных и двоюродных братьев, представителей знати, породнившихся с нами через брачные узы. Там был и мой шурин Антенор, глядевший на меня с тревогой. Я кивком велел ему подойти поближе и ударил посохом по выложенному красными плитами полу.

– Мужи Трои, лев Посейдона мертв, убитый ахейцем Гераклом.

Антенор продолжал кидать на меня косые взгляды, гадая, что будет дальше. Будучи дарданцем, он не был Трое другом, но он был родным братом Гекабы, и я терпел его ради нее.

– Я покинул охотников, но с ними остался мой слуга. Недавно он вернулся домой и поведал, что ахейцы зверски убили моего отца и братьев. Они вышли в море слишком давно, и мы не можем пуститься по следу. Царевну Гесиону они похитили.

Продолжать в поднявшемся гвалте было невозможно. Я задержал дыхание, взвешивая, какую часть правды будет разумно им рассказать. Нет, ни слова об отказе царя Лаомедонта исполнить свое торжественное обещание: он мертв, и его память должна быть достойна царя, ее нельзя запятнать таким жалким концом. Лучше сказать, будто ахейцы с самого начала замыслили это злодейство в отместку за изгнание своих купцов из Понта Эвксинского.

Я был царем. Троя и вся Трояда были моими. Я был стражем Геллеспонта и хранителем Эвксина.

Когда я снова ударил посохом, шум сразу стих. Быть царем совсем другое дело!

– Обещаю вам, – заявил я, – что до смерти своей не забуду обиды, нанесенной ахейцами Трое. Этот день станет днем траура, и по всему городу жрецы будут петь о злодействе наемных убийц. И я не устану искать способ заставить ахейцев пожалеть о содеянном! Антенор, назначаю тебя главой совета. Подготовь заявление для народа: отныне ни один ахейский корабль не пройдет через Геллеспонт в Понт Эвксинский. Медь можно найти в других местах, но олово – только в Скифии. А из меди и олова делают бронзу! Ни одному народу без нее не выжить. Ахейцам придется покупать ее в Малой Азии по непомерной цене, ведь у нас будет монополия на олово. Народы Эллады придут в упадок.

Все ликовали. Один Антенор нахмурился. Да, мне придется отвести его в сторону и рассказать правду. А пока я вручил ему посох и поспешил к себе во дворец, вдруг вспомнив, что там на смертном одре лежала Гекаба.

Наверху лестницы меня встретила повитуха с залитым слезами лицом.

– Она умерла?

Старуха беззубо улыбнулась сквозь слезы.

– Нет-нет! Я скорблю о твоём отце, мой господин, – все уже знают. Царица вне опасности, и у вас родился прекрасный здоровый сын.

Гекабу уже перенесли с родильного кресла на большую кровать, где она и лежала сейчас, бледная и уставшая, с запеленатым свертком на стиге руки. Никто не рассказал ей новость, и я тоже не стал этого делать, пока она не окрепла. Я наклонился поцеловать ее и взглянуть на младенца – ее пальцы раздвинули складки материи вокруг его личика. Четвертый сын, которого она мне подарила, лежал спокойно, не корчась и не гримасничая, как это обычно делают новорожденные. Он был поразительно красив, с гладкой кожей цвета слоновой кости, а не красной и сморщенной. Густые вьющиеся черные волосы, длинные черные ресницы, черные брови, изогнутые над глазами, такими темными, что я не смог понять, синие они или карие.

Гекаба пощекотала его под подбородком совершенной формы.

– Как ты назовешь его, мой господин?

– Парис, – тут же ответил я.

Она поморщилась.

– Парис? «Повенчанный со смертью»? Это зловещее имя, мой господин. Почему не Александр, как мы хотели?

– Его будут звать Парис.

Я отвернулся. Она скоро узнает, что этот ребенок был повенчан со смертью, еще не родившись.

Я устроил ее повыше на подушках вместе с копошащимся у набухшей груди младенцем.

– Парис, мой малыш! Какой ты красивый! О, сколько сердец тебе предстоит разбить! Все женщины будут любить тебя. Парис, Парис, Парис...

Глава вторая (рассказанная Пелеем)

Когда в Фессалии, моих новых владениях, воцарился порядок и я убедился, что могу доверять наместникам, которых оставил в Иолке, я направился к острову Скирос. Изнывая от скуки, я жаждал дружеской компании, но не было в Иолке друга, который мог бы сравниться с царем Скироса Ликомедом. В жизни ему повезло: его никогда не изгоняли из отцовских владений, не пришлось ему ни сражаться не на жизнь, а на смерть, чтобы урвать себе новое царство, ни воевать, защищая его. Его предки правили своим скалистым островом с начала времен, богов и людей, и трон перешел к нему по наследству, после того как отец его умер в своей постели в окружении сыновей и дочерей, жен и наложниц. Отец Ликомеда придерживался законов старых богов, так же как и сам Ликомед, – правителям Скироса моногамия не пристала!

Со старыми богами или с новыми, но Ликомеду предстояла именно такая смерть, в то время как о моей сказать наверняка ничего было нельзя. Я завидовал его размеренному существованию, но, гуляя с ним по его садам, понял, что оно полностью лишено основных жизненных радостей. Его царство и титул значили для него меньше, чем мои – для меня; он выполнял обязанности истово и добросовестно, будучи добросердечным человеком и разумным правителем, но ему недоставало упрямой решимости любой ценой сохранить то, что ему принадлежало, ведь никто никогда не угрожал отнять у него хоть малую часть.

Потеря, голод, отчаяние – я очень хорошо знал значение этих слов. И любил свое завоеванное кровью Фессалийское царство так, как он никогда не любил Скирос. Фессалия, моя Фессалия! Я, Пелей, был верховным царем Фессалии! Цари присягали на верность мне, Пелею, нога которого впервые ступила на берег Аттики всего несколько лет назад. Я был правителем мирмидонян⁵, людей-муравьев из Иолка.

Ликомед прервал мои мысли, спросив:

– Ты думаешь о Фессалии?

– Как мне не думать о ней?

Он взмахнул белой мягкой рукой:

– Дорогой Пелей, я обделен твоим энтузиазмом. Там, где ты ярко пылаешь, я медленно тлею. Но я доволен, что это так. Будь ты на моем месте, ты бы не остановился, пока не завладел бы каждым островом между Критом и Самофракией.

Я прислонился к ореховому дереву и вздохнул:

– Я очень устал пылать, старина. И годы уже не те.

– Это истина, о которой не стоит упоминать. – Его блекло-голубые глаза задумчиво оглядели меня. – Ты знаешь, Пелей, что заслужил репутацию лучшего мужа Эллады? Даже Микены воздают тебе должное.

Я выпрямился и пошел дальше.

– Я такой же, как любой другой муж, ни больше ни меньше.

– Как тебе будет угодно, но правда останется правдой. Пелей, у тебя есть все: высокое стройное тело, острый пронизательный ум, гений вождя, талант пробуждать любовь подданных – даже лицо твое прекрасно!

– Если ты будешь продолжать свою хвалебную речь, Ликомед, то мне придется собраться и отправиться восвояси.

---

⁵ Эак, отец Пелея, потерял весь свой народ во время мора, насланного Герой, но по его просьбе его отец Зевс превратил в людей муравьев, и поэтому новый народ стал называться «мирмидоняне» (от *греч.* μύρμηξ – «муравей»).

– Успокойся, я закончил. По правде говоря, я хочу кое-что с тобой обсудить. Для того и была хвалебная речь.

Я посмотрел на него с любопытством:

– И?..

Он облизал губы, нахмурился и решил прыгнуть в мутные воды беседы без дальнейших церемоний.

– Пелей, тебе тридцать пять лет. Ты – один из четырех верховных царей Эллады, и твоя власть велика. Но у тебя нет жены. Нет царицы. И поскольку ты всецело предан новым богам и избрал моногамию, как ты собираешься передать трон Фессалии по наследству, если не возьмешь жену?

Я не смог сдержать улыбки:

– Ах ты, пройдоха! Ты присмотрел мне супругу?

Он явно скрытничал.

– Может быть. Если у тебя самого нет на этот счет никаких пожеланий.

– Я часто думаю о браке. К сожалению, мне не нравится ни одна из тех, кого мне предлагают.

– Я знаю женщину, способную по-настоящему тебя увлечь. Она стала бы тебе прекрасной супругой.

– Я весь внимание!

– Ты еще и смеешься. Но я все равно продолжу. Эта женщина – верховная жрица Посейдона на Скиросе. Бог приказал ей выйти замуж, но она до сих пор отказывается. Мне не по нраву принуждать такую высокопоставленную жрицу к повиновению, но ради блага своего народа и острова я обязан это сделать.

Я посмотрел на Ликомеда с изумлением:

– И ты выбрал меня в качестве подручного средства?

– Вовсе нет! – воскликнул он, поморщившись. – Выслушай меня!

– Посейдон приказал ей выйти замуж?

– Да. Оракулы сказали: если она не найдет себе мужа, повелитель морей разверзнет землю Скироса и заберет мой остров в свои глубины.

– Оракулы. Значит, ты спрашивал не один раз?

– Даже пифию в Дельфах и дубовую рощу в Додонах. Ответ один и тот же: выдай ее замуж, или погибнешь.

– В чем ее важность? – Я был заинтригован.

Его лицо обрело благоговейное выражение.

– Она – дочь Нерая, морского старца. А значит, наполовину божественной крови, и при этом делит свою преданность надвое. По крови она принадлежит старым богам, но служит новым. Ты знаешь, Пелей, как изменилась Эллада с тех пор, как были повержены Крит и Тера⁶. Посмотри на Скирос! Великая мать никогда не почиталась здесь так, как на Крите, Тере или в царствах Пелопоннеса, – у власти всегда были мужчины, но старые боги сильны и здесь. Посейдон же принадлежит к новым богам, и мы всецело в его власти – он не только повелитель морей, но и колыбель земли.

– Похоже, – медленно сказал я, – Посейдон разгневан на то, что женщина, ведущая род от старых богов, стала его верховной жрицей. И все же она не могла стать ею вопреки его воле.

– Он соизволил. Но сейчас он разгневан – ты же знаешь богов! Разве они когда-нибудь бывали последовательны? Несмотря на данное согласие, он гневается и говорит, мол, не позволит дочери Нерая служить у его алтаря.

---

⁶ Извержение вулкана на острове Тера (Санторин) в XV в. до н. э. вызвало цунами, от которого сильно пострадал Крит, а сам Тера ушел под воду.

– Ликомед, Ликомед! Ты правда веришь в эти сказки о божественном происхождении? – Я не мог сдержать своего скептицизма. – Я был о тебе лучшего мнения. Те, кто заявляет, будто рожден от бога, обычно оказываются незаконнорожденными, и в большинстве случаев честь отцовства принадлежит пастуху или конюху.

Он замахал руками, словно курица крыльями.

– Да-да-да! Я все это знаю, Пелей, но я верю ей. Ты не видел ее, ты ее не знаешь. А я знаю. Это престраннейшее создание! Одного взгляда на нее достаточно, чтобы отбросить все сомнения в том, что она порождение моря.

Я был близок к тому, чтобы обидеться.

– Не верю своим ушам! Спасибо за комплимент! Ты хочешь всучить верховному царю Фессалии сумасшедшую? Я не приму такого подарка!

Он схватил меня за локоть обеими руками:

– Пелей, разве я стал бы с тобой так шутить? Я всего лишь неудачно выразился, и вовсе не хотел тебя оскорбить, клянусь! Просто, едва я увидел тебя после стольких лет, сердце тут же подсказало мне, что эта женщина создана для тебя. У нее нет недостатка в знатных женихах: каждый благородный холостяк Скироса уже делал ей предложение, – но ей никто не нужен. Она говорит, что ждет того, кого бог обещал ей послать – вместе со своим знаком.

Я вздохнул:

– Будь по-твоему, Ликомед. Я познакомлюсь с ней, но ничего не обещаю, понятно?

Святылище Посейдона и сам алтарь (храма как такового у него не было) находились на другой стороне острова, менее плодородной и менее населенной, – довольно странное место для главного святилища повелителя морей. Каждый остров, окруженный со всех сторон его водными владениями, остро нуждался в его благосклонности. От его настроения и милости зависело, быть урожаю или голоду, да и колебателем земли его называли не просто так. Я сам видел плоды его гнева – целые города, которые он сровнял с землей, и они стали тоньше, чем золотая пластина под кузнечным молотом. Посейдон был скор на гнев и очень ревностно охранял свой авторитет – дважды на человеческой памяти Крит был сокрушен божественной мстью, когда цари его настолько возгордились, что забыли свой долг перед Посейдоном. То же самое случилось и с Терой.

Если эта женщина, с которой Ликомед так хотел меня познакомить, была дочерью Нерея – а ведь тот правил морями еще в те времена, когда миром с Олимпа⁷ повелевал Крон, – понятно, почему оракул требовал, чтобы она оставила свой пост. Зевс с братьями торопился покончить с поверженными старыми богами. В конце концов, нелегко простить отца, который тебя съел.

Я отправился к святилищу пешком и в одиночестве, одетый в обычную охотничью одежду. Рядом на веревке шел мой жертвенный дар. Я хотел, чтобы она сочла меня паломником, не заслуживающим особого внимания, и не узнала, что я – верховный царь Фессалии. Алтарь примостился на утесе, возвышавшемся над маленькой бухтой; мягко ступая, я прошел через священную рощу, одурманенный тишиной и повисшей в воздухе тяжелой, удушающей святостью. Даже море у меня в ушах звучало приглушенно, несмотря на то что волны накатывали и разбивались в белую пену об изрезанные скалами подножие утеса. Перед квадратным, ничем не украшенным алтарем в золотом треножнике горел вечный огонь; я подошел поближе, остановился и подтащил жертву к себе.

Она нехотя вышла на солнечный свет, словно ей больше нравилось пребывать в прохладной, наполненной влагой тени. Я смотрел на нее, не в силах отвести глаз. Маленького

---

⁷ На Олимпе жили Зевс и новые боги после того, как свергли Крона. В мифах Древней Греции нет указаний на то, что до них на Олимпе властвовал Крон. Титаны жили на горе Офрия. – *Примеч. ред.*

роста, стройная и женственная – и все же в ней было нечто такое, что назвать женственным было нельзя. Вместо традиционного одеяния с оборками и вышивками на ней был простой хитон из тонкого, прозрачного египетского льна, через который просвечивала ее кожа – бледная, с голубоватыми прожилками, кажущаяся полосатой из-за неумело окрашенной материи. Губы ее были полными, чуть розоватыми, глаза меняли цвет, переходя от одного оттенка моря к другому, – то серые, то голубые, то зеленые, иногда даже винные пополам с пурпуром, на лице никакой краски, кроме тонкой черной линии, удлинявшей контур глаз, что придавало ей слегка зловещий вид. Ее волосы были почти бесцветными – пепельно-серые, с таким сильным блеском, что в приглушенном свете помещения казались голубыми.

Я приблизился, ведя за собой животное, которое приготовил в жертву.

– Моя госпожа, мне выпала честь быть гостем на твоём острове, и я принес Посейдону дар.

Она, кивнув, протянула руку, чтобы взять у меня веревку, и оглядела белого теленка опытным взглядом:

– Посейдон будет доволен. Я уже давно не видела такой прекрасной жертвы.

– Раз для него священны лошади и быки, моя госпожа, мне показалось, что будет уместно, если я предложу ему то, что он любит больше всего.

Она напряженно уставилась на алтарный огонь:

– Время сейчас неблагоприятное. Я принесу жертву позже.

– Как тебе будет угодно, моя госпожа.

Я повернулся, чтобы уйти.

– Подожди.

– Да, моя госпожа?

– От чьего имени мне принести жертву?

– От имени Пелея, царя Иолка и верховного царя Фессалии.

Ее глаза быстро изменили цвет с ясно-голубого на темно-серый.

– Ты не простой человек. Твоим отцом был Эак, а его отцом – сам Зевс. Твой брат Теламон – царь острова Саламин, и ты сам – царского рода.

Я улыбнулся:

– Да, я сын Эака и брат Теламона. Что же до деда – понятия не имею. Хотя я сомневаюсь, что он был царем богов. Скорее всего – разбойником, которому приглянулась моя бабка.

– Непочтение к богам, царь Пелей, – неторопливо произнесла она, – влечет за собой возмездие.

– Не вижу, в чем мое непочтение, моя госпожа. Я исполняю обряды и приношу жертвы с полной верой в богов.

– Однако ты отрицаешь, что Зевс был твоим дедом.

– Такие сказки рассказывают, моя госпожа, чтобы усилить права на трон, чего как раз добивался мой отец Эак.

Она с отсутствующим видом погладила белого бычка по носу.

– Ты наверняка остановился во дворце. Почему царь Ликомед позволил тебе прийти сюда одному и без предупреждения?

– Потому что я так захотел, моя госпожа.

Привязав белого бычка к кольцу, вделанному в колонну, она повернулась ко мне лицом.

– Моя госпожа, кто принимает мою жертву?

Она посмотрела на меня через плечо холодно-серым взглядом:

– Фетида, дочь Нерея. И это не сказки, царь Пелей. Мой отец – великий бог.

Пора. Я поблагодарил ее и ушел.

Но ушел недалеко. Осторожно, стараясь держаться вне поля зрения тех, кто мог бы заметить меня из святилища, я скользнул по змеящейся тропе вниз к бухте, бросил копье и меч за скалу и улегся на теплый желтый песок в тени нависшего утеса. Фетида. Фетида. В ней определенно было что-то морское. Я вдруг подумал, что мне хочется верить в то, что она дочь божества. Я слишком глубоко заглянул в ее глаза-хамелеоны, увидел все шторы и штили, которые оставили на ней свою печать – отблеск холодного пламени, не поддающегося описанию. Я хотел, чтобы она стала моей женой.

Я пробудил в ней ответный интерес – мне подсказал это накопленный годами опыт. Вопрос заключался в том, насколько сильным окажется ее влечение; что-то говорило мне о возможном поражении. Фетида не вышла бы за меня, так же как не вышла ни за кого из тех достойных женихов, которые сватались к ней. Я не принадлежал к тем, кому нравятся мужчины, а женщины интересовали меня ровно настолько, насколько могли насытить то влечение, от которого великие боги страдают не меньше людей. Я спал то с одной служанкой, то с другой, но до этого никогда не любил. Знала она это или нет, но Фетида была предназначена мне. И раз я всецело подчинился законам новых богов, ей не придется бояться жен-соперниц. Я буду принадлежать только ей.

Солнце било мне в спину с нарастающей силой. Настал полдень; я сорвал с себя охотничью эксомиду, чтобы позволить горячим лучам Гелиоса проникнуть себе в кожу. Но лежать спокойно мне не удалось, поэтому я сел и свирепо уставился на море, обвиняя его в своей новой беде. Потом я закрыл глаза и упал на колени:

– Зевс Громовержец, обрати на меня свой благосклонный взгляд! Только от великой нужды взывал я к тебе, как человек, который ищет поддержки предков. Но сейчас я молю о великой милости. Ты всегда слышал меня, ибо я не тревожил тебя по пустякам. Помоги мне, прошу тебя! Отдай мне Фетиду так, как отдал Иолк и мирмидонян, как передал всю Фессалию в мои руки. Дай мне царицу, которая достойна сидеть на мирмидонском троне, дай мне могучих сыновей, чтобы они сменили меня, когда я умру!

Долго стоял я на коленях, закрыв глаза. Когда же я поднялся, то не заметил вокруг никаких перемен. Ничего удивительного, боги не творят чудес, чтобы вселить веру в людские сердца. Потом я увидел ее: она стояла на ветру, ее тонкая туника развевалась как знамя, волосы сверкали на солнце, поднятое к небу лицо светилось восторгом. Рядом с ней был белый теленок, в правой руке она держала кинжал. Он спокойно шел навстречу своей судьбе, даже устроился поудобнее у нее над коленями, когда она опустилась у кромки набегающих волн, не дернулся и не вскрикнул, когда она перерезала ему горло и по ее бедрам и обнаженным белым рукам стали виться яркие алые ленты. Вода вокруг помутнела, стала красной, пока сменявшие друг друга потоки всасывали кровь теленка, смешивали ее с собственной сущностью и поглощали.

Она не видела меня до ритуала, не увидела и тогда, когда скользнула дальше в волны, таща за собой мертвого белого теленка, пока не оказалась достаточно глубоко для того, чтобы забросить его тушу к себе на плечи и поплыть вперед. Немного удалившись от берега, она передернула плечами и сбросила теленка, который тут же пошел ко дну. Из воды выступала большая плоская скала. Она подплыла к ней, залезла на самый верх и встала во весь рост на фоне бледного неба, а потом легла на спину, подложила руки под голову и будто заснула.

Причудливый ритуал, явно не из тех, который заслужил бы снисхождение новых богов. Фетида приняла мое приношение во имя Посейдона, а отдала Нерею. Святотатство! И она – верховная жрица Посейдона. О, Ликомед, ты был прав! В ней лежит семя разрушения Скироса. Она не воздаст должного повелителю морей и не уважает в нем колебателя земли.

В воздухе не было ни ветерка, вода была прозрачна, но, спускаясь к волнам, я дрожал как в лихорадке. Вода была не в силах охладить меня, пока я плыл: Афродита вонзила в меня свои

блестящие коготки до самой кости. Фетида была моей, и я собирался ее взять, чтобы спасти беднягу Ликомеда и его остров.

Доплыв до скалы, я ухватился руками за выступ и резко подтянулся вверх с усилием, от которого заныли мышцы, и склонился над ней, не дав ей времени осознать, что наяву я был ближе, чем маячивший вдалеке Скиросский дворец. Но она не спала. Ее зеленые с поволокой глаза были открыты. Она рывком поднялась и отскочила в сторону, взгляд ее потемнел.

– Не смей прикасаться ко мне! – заявила она, тяжело дыша. – Ни один мужчина не смеет прикасаться ко мне! Я обещала себя богу!

Моя рука дернулась было к ее щиколотке, но замерла на полпути.

– Твои обеты богу временны, Фетида. Ты свободна и можешь выйти замуж. И ты выйдешь за меня.

– Я принадлежу богу!

– Какому именно? Ты воздаешь лицемерные почести одному богу, а потом приносишь его жертвы другому? Ты – моя, пусть кто угодно меряется со мной силой. Если бог – какой бы то ни было! – потребует моей смерти в расплату, я приму его волю.

Застонав от отчаяния, она попыталась соскользнуть со скалы в море, но я опередил ее, схватил за ногу и потащил обратно, в то время как она цеплялась за шершавый камень, ломая ногти. Добравшись до ее запястья, я отпустил ее щиколотку и заставил встать.

Она боролась со мной, как десять диких кошек, пустив в ход зубы и ногти, молча пиналась и кусалась, когда я сомкнул руки вокруг нее. Десять раз она выскальзывала, десять раз я хватал ее снова, мы оба были все в крови. У меня было разодрано плечо, у нее рассечена губа, вырванные пряди волос кружились на ветру. Это не было изнасилование, я и не думал о подобном: мы просто мерялись силой, мужчина против женщины, новые боги против старых. Мужчина победил, как и должно.

Мы рухнули на скалу с такой силой, что жрица задохнулась. Придавив ее своим телом и держа за плечи, я посмотрел ей в лицо:

– Твоя борьба окончена. Я тебя покорию.

Ее губы дрогнули, и она отвернулась.

– Ты – это он. Я поняла это, как только ты вошел в святилище. Когда меня посвящали богу, он сказал, что однажды из моря выйдет мужчина, сошедший с небес, который изгонит из моих мыслей море и сделает меня царицей. – Она вздохнула. – Да будет так.

С пышными почестями я возвел Фетиду на престол Иолка. В первый же год нашего брака она забеременела, увенчав наш союз радостью. Никогда мы не были более счастливы, чем в те долгие луны, когда ждали нашего сына. Никто из нас не мечтал о дочери.

Старшей повитухой была назначена моя собственная кормилица Аресуна, и, когда у Фетиды начались роды, я оказался совершенно беспомощен: старуха воспользовалась данными ей полномочиями и изгнала меня на другую половину дворца. Я сидел в одиночестве, пока колесница Фобоса не сделала полный круг, отмахиваясь от слуг, которые настойчиво предлагали мне еду и питье, и ждал, ждал... пока Аресуна не нашла меня под покровом ночи. На ней был тот же хитон, в котором она принимала роды, густо залитый кровью, и она вся сжалась под ним и скрючилась, ее морщинистое лицо было перекошено от боли. Из глаз, так глубоко запавших в череп, что они казались двумя черными дырами, сочились слезы.

– Это был сын, мой господин, но жил так мало, что даже не успел вздохнуть. Царица вне опасности. Она потеряла много крови и очень устала, но ее жизни ничто не угрожает. – Она заломила иссохшие руки. – Мой господин, клянусь, я все сделала правильно! Такой большой красивый мальчик! Такова была воля богини!

Мне было невыносимо оттого, что она видела мое лицо, на которое падал свет лампы. Слишком пораженный горем, чтобы рыдать, я отвернулся и пошел прочь.

Лишь через несколько дней я смог заставить себя навестить Фетиду. Когда же я наконец вошел к ней в комнату, то изумился тому, насколько довольной и счастливой она казалась, сидя на своей широкой кровати. Она сказала то, что должна была сказать, играя словами, выразившими печаль, но ни одно из них не было искренним! Фетида была счастлива!

– Жена, наш сын умер! – не выдержал я. – Как ты можешь жить с этой мыслью? Он никогда не познает жизни! Никогда не займет мое место на троне. Девять лун ты носила его под сердцем – и все напрасно!

Ее рука покровительственно похлопала по моей.

– Дорогой мой Пелей, не печалься! Нашему сыну не выпало смертной жизни, но разве ты забыл, что я – богиня? Поскольку он не вдохнул земного воздуха, я попросила отца даровать ему вечную жизнь, и мой отец с радостью согласился. Наш сын живет на Олимпе – ест и пьет с другими богами, Пелей! Да, он никогда не будет править Иолком, но ему дано то, в чем отказано смертным. Умерев, он будет жить вечно.

Мое изумление сменилось отвращением, я смотрел на нее не отрываясь и спрашивал себя, как так случилось, что ее помешательство на богах взяло над ней такую силу. Она была такой же смертной, как и я, и ее младенец был так же смертен, как мы оба. Потом я увидел, как доверчиво она на меня смотрит, и не смог сказать того, что рвалось с языка. Если вера в подобную чушь помогла ей справиться с болью утраты, тем лучше. Живя с Фетидой, я привык к тому, что она думала и вела себя не так, как другие женщины. Я погладил ее по голове и ушел.

Шестерых сыновей родила она мне за годы нашего брака, и все были мертворожденными. Когда Аресуна сообщила мне о смерти второго сына, я наполовину обезумел и несколько лун отказывался видеть Фетиду, ибо знал, что она мне скажет: будто наш умерший сын был богом. Но в конце концов любовь и вожеление всегда возвращали меня к ней – и весь ужас повторялся снова.

Когда и шестой сын оказался мертворожденным – как такое могло случиться, ведь он родился строго в положенный срок и, лежа на крошечной похоронной повозке, казался таким крепким, несмотря на темно-синюю кожу? – я поклялся, что больше не отдам Олимпу ни одного. Я послал гонца к пифии в Дельфы, и ответом было, что виной всему гнев Посейдона за то, что я украл у него жрицу. Какое лицемерие! Какое безумие! Сначала он отвергает ее, потом хочет обратно. Воистину не дано человеку понять замыслы и дела богов – старых или новых, все равно.

Два года я не прикасался к Фетиде, которая умоляла меня зачать еще сыновей для Олимпа. В конце второго года я привел Посейдону Конному белого жеребенка и принес в жертву перед всем мирмидонским народом.

– Сними с меня проклятие, даруй мне живого сына!

Земля загудела, из-под алтаря коричневой молнией выскочила священная змея, почва вздулась под ногами. Рядом со мной рухнула колонна, на земле между моими ногами прорезалась трещина и удушливо запахло серой, но я не двинулся с места, пока землетрясение не закончилось и твердь не сомкнулась. Белый жеребенок лежал на алтаре, обескровленный и жалкий. Три месяца спустя Фетида сказала мне, что беременна в седьмой раз.

Весь этот утомительный срок я или слуги следили за ней пристальнее, чем парящий ястреб за добычей; я приказал Аресуне каждую ночь спать с ней в одной постели, пригрозил служанкам немислимыми пытками, если они оставят ее одну хоть на мгновение, если рядом нет Аресуны. Фетида выносила эти «прихоти», как она их называла, с терпением и легкостью, никогда не спорила и не пыталась противоречить моим распоряжениям. Однажды я услышал, как она затянула странный глухой напев старым богам: мои волосы поднялись дыбом, по телу поползли мурашки, – но когда приказал ей перестать, она тут же повиновалась и никогда

больше не пела. Срок приближался. Я надеялся на лучшее. Несомненно, я всегда жил в подбающем страхе перед богами, и они были должны мне живого сына!

У меня были доспехи, когда-то принадлежавшие Миносу – мое самое большое сокровище, – изумительной красоты: покрытые золотом поверх четырех слоев бронзы и трех слоев олова, инкрустированные ляписом и янтарем, кораллами и горным хрусталем, образующими чудесный узор. Щит, выкованный таким же образом, был высотой со среднего человека и по форме напоминал два круглых щита, поставленных один на другой, с перехватом посередине. Кираса и поножи, шлем, юбка и наручи были сделаны на воина крупнее меня, и я уважал павшего Миноса, который надевал их, чтобы объезжать свое Критское царство – не для самозащиты, ведь он был уверен, что ему никогда не придется ни от кого защищаться, – а просто для того, чтобы продемонстрировать подданным свое богатство. И когда он пал, они не сослужили ему никакой службы, ибо Посейдон сокрушил и его, и его мир, так как они не покорились новым богам. Вечной правительницей Крита и Теры была Рея Кибела, великая мать богов, царица земли и небес.

Рядом с доспехами Миноса я положил копье из ясеня со склонов горы Пелион, маленький наконечник которого был выкован из металла под названием «железо» – такого редкого и ценного, что большинство считало его легендой, ведь мало кто его видел. Опыт мой показал, что копье безошибочно поражало цель, в руке же было легким, как перышко, поэтому, когда мне больше не нужно было использовать его в каждодневных ратных трудах, я положил его к доспехам. У копья было имя – Старый Пелион.

Перед рождением первенца я достал их на свет, чтобы почистить и отполировать: в уверенности, что мой сын вырастет достаточно крупным, чтобы они оказались ему впору, – но все мои сыновья родились мертвыми и я отправил доспехи обратно в подземелье, во мрак такой же черный, как и мое отчаяние.

Дней за пять до того, как Фетида должна была родить нашего седьмого ребенка, я взял лампу и спустился по избитым каменным ступеням в недра дворца, петляя по переходам, пока не оказался перед тяжелой деревянной дверью, которая преграждала путь в сокровищницу. Зачем я пошел туда? Ответа на этот вопрос у меня не было. Я открыл дверь, приготовившись погрузиться в сумрак, но вместо него в глубине огромной комнаты маячил островок золотого света. Загасив пальцами собственную лампу и положив руку на кинжал, я подкрался к нему. Путь был завален урнами, сундуками, ящиками и утварью для богослужений – мне приходилось идти осторожно, чтобы не шуметь.

Подобравшись поближе, я услышал звук, который нельзя было спутать ни с каким другим, – женские рыдания. На полу, обняв золотой шлем Миноса, сидела моя кормилица Аресуна, из-под ее морщинистых пальцев выбивался тонкий золотой гребень. Она рыдала негромко, но горько, перемежая стенания погребальной песнью Эгины, своего – и моего – родного острова, царства Эака. О Кора!⁸ Аресуна уже оплакивала моего седьмого сына.

Я не мог уйти, не утешив ее, притвориться, будто ничего не видел и не слышал. Она была уже зрелой женщиной, когда моя мать приказала ей дать мне свою грудь; она вырастила меня под ее равнодушным взглядом; она последовала за мной за тридевять земель, преданная как собака, и когда я покорил Фессалию, то дал ей большую власть в своем доме. Я подошел поближе, легонько тронул ее за плечо и попросил не рыдать больше. Взяв у нее шлем, я притянул неуклюжее старое тело к себе и обнял, твердя глупости, пытаясь успокоить ее, презрев собственные страдания. В конце концов она замолчала, вцепившись костлявыми пальцами в мой гиматий.

– Мой господин, зачем? – прохрипела она. – Зачем ты позволяешь ей это делать?

---

⁸ В древнегреческой мифологии Кора – одно из имен богини Персефоны, владычицы подземного мира.

– Зачем? Ей? Делать что?

– Царице, – ответила она, заикаясь.

Позже я понял, что от горя она немного помутилась рассудком, иначе мне бы не удалось ничего у нее выпытать. Хоть она и была мне дороже, чем родная мать, она никогда не забывала о разнице в нашем положении. Я сжал ее так сильно, что она скорчилась и заскулила от боли.

– Что насчет царицы? Что она делает?

– Убивает твоих сыновей.

Я пошатнулся.

– Фетида? Моих сыновей? Так в чем же дело? Говори!

Понемногу обретая рассудок, она в ужасе уставилась на меня, осененная мыслью, что я ничего не знал.

Я встряхнул ее.

– Лучше продолжай, Аресуна. Каким образом моя жена убивает своих сыновей? И зачем? Зачем?

Но она поджала губы и не произнесла ни слова, ее испуганный взгляд следил за пламенем лампы. Мой кинжал выскользнул из ножен и прижался кончиком к ее обвисшей лоснящейся старой коже.

– Говори, женщина, или, всемогущим Зевсом клянусь, я выколю тебе глаза и выдеру ногти, я сделаю все, что развяжет тебе язык! Говори, Аресуна, говори!

– Пелей, она проклянет меня, а это гораздо хуже, чем любая пытка. – Голос ее дрожал.

– Это будет нечестивое проклятие. Нечестивые проклятия падут на голову проклинающего. Скажи мне, умоляю.

– Я была уверена, что ты знал и дал свое согласие, господин. Может быть, она права, может быть, бессмертие лучше земной жизни, ведь для бессмертных нет старости.

– Фетида безумна.

– Нет, господин. Она богиня.

– Нет, Аресуна, жизнью готов поклясться! Фетида – обычная смертная.

Не похоже, что я ее убедил.

– Она убила всех твоих сыновей, Пелей, вот и все. Из самых благих побуждений.

– Как она это делает? Варит зелье?

– Нет, господин. Проще. Когда мы сажаем ее на родильное кресло, она выгоняет из комнаты всех, кроме меня. Потом приказывает мне поставить под ней ведро морской воды. Как только появляется головка, она погружает ее в воду и держит там до тех пор, пока ребенок уж точно не сможет дышать.

Мои кулаки то сжимались, то разжимались.

– Так вот почему они всегда синие! – Я встал во весь рост. – Возвращайся к ней, Аресуна, не то она будет тебя искать. Даю тебе клятву царя, что никогда не открою, откуда мне стало это известно. Я прослежу, чтобы она не смогла тебе навредить. Не спускай с нее глаз. Когда начнутся роды, тут же мне сообщи. Понятно?

Она кивнула. Ее слезы высохли вслед за схлынувшим чувством вины. Она поцеловала мне руки и засемила прочь.

Я сидел неподвижно, погасив обе лампы. Фетида убила моих сыновей – и ради чего? Ради безумной, невозможной мечты. Суеверия. Фантазии. Она отняла у них право стать мужами, ее преступление было настолько гнусным, что мне хотелось пойти и пронзить ее мечом. Но она все еще носила в себе моего седьмого ребенка. Меч подождет. Кроме того, право на месть принадлежало новым богам.

На пятый день после нашего разговора старуха примчалась за мной, распущенные волосы развевались у нее за спиной. Давно перевалило за полдень, и я спустился к загонам для лоша-

дей, чтобы осмотреть жеребцов: приближался сезон случки и конюшие хотели сообщить мне, кто за каким жеребцом будет присматривать.

Я немедленно вернулся во дворец с Аресуной, взгромоздившейся мне на закорки, будто на лошадь.

– Что ты собираешься делать? – спросила она, когда я опустил ее на пол перед дверью Фетиды.

– Войти вместе с тобой.

Она сдавленно вскрикнула:

– Мой господин! Это запрещено!

– Как и убийство, – сказал я и открыл дверь.

Роды – женское таинство, которое мужчине нельзя осквернять своим присутствием. Это земной мир, в котором нет места небу. Когда новые боги возобладали над старыми, некоторые ритуалы остались в неприкосновенности; великая мать Кибела по-прежнему была главной в женских делах, особенно в том, как вырастить новый человеческий плод – и как сорвать его, не важно, созрел он или нет или поух от старости.

Поэтому, когда я вошел, сначала никто не заметил меня; я смотрел, обонял, прислушивался. В комнате воняло потом, кровью и другими запахами, отвратительными и чуждыми мужскому обонянию. Очевидно, роды вот-вот должны были начаться, ибо служанки помогали Фетиде перебраться с кровати на родильное кресло, в то время как повитухи сновали вокруг, давая указания и создавая суматоху. Моя жена была нагая, ее чудовищно раздутый живот почти светился от растяжения. Они осторожно устроили ее бедра на прочных деревянных опорах по обе стороны широкого проема в сиденье, освобождая доступ к родовым путям, откуда появлялась головка младенца, а за нею и все его тело.

Рядом на полу стояла деревянная кадка, доверху наполненная водой, но никто из женщин не обращал на нее внимания, поскольку понятия не имел, для чего она предназначена.

Тут они увидели меня и бросились в мою сторону с лицами, перекошенными от возмущения, считая, будто царь помутился рассудком, и намереваясь вывести меня из комнаты. Я ударил наотмашь ту, которая оказалась ко мне ближе всех, и она растянулась на полу. Остальные трусливо попятились. Аресуна сгорбилась над кадкой, бормоча заговор от дурного глаза, и не двинулась с места, когда я выгнал женщин из комнаты и положил на дверь засов.

Фетида все видела. Ее лицо блестело от пота, а глаза почернели от сдерживаемого гнева.

– Убирайся вон, Пелей, – тихо сказала она.

Вместо ответа я оттолкнул Аресуну в сторону, подошел к кадке с морской водой, поднял ее и опрокинул на пол.

– Убийства не будет, Фетида. Этот сын – мой.

– Убийство? Убийство? О, ты дурак! Я никого не убивала! Я богиня! Мои сыновья бессмертны!

Я схватил ее за плечи, а она сидела, согнувшись вперед, на родильном кресле.

– Твои сыновья мертвы, женщина! Им суждено навсегда остаться бездумными тенями, ибо ты отняла у них шанс совершить подвиги, которые заслужили бы им любовь и восхищение богов! У них не будет ни Елисейских полей, ни славы героев, ни места среди звезд. Ты не богиня! Ты смертная!

Ее ответом был резкий крик боли; спина ее выгнулась дугой, и руки вцепились в деревянные ручки кресла с такой силой, что побелели костяшки пальцев.

Аресуна пришла в себя и закричала:

– Время пришло! Он вот-вот родится!

– Ты не получишь его, Пелей! – прорычала Фетида.

Она принялась изо всех сил смыкать ноги, вопреки инстинкту, который приказывал ей развести их в стороны.

– Я раздавлю ему голову! – продолжала рычать она, а потом вскрикнула, и еще, и еще. – О, отец мой! Отец мой Нерей! Он разрывает меня!

На лбу у нее вздулись багровые вены, по щекам катились слезы, но она продолжала пытаться сомкнуть ноги. Сходя с ума от боли, она напрягла всю свою волю и безжалостно свела их вместе, скрестила и закинула одну за другую, чтобы помешать им разойтись вновь.

Аресуна скорчилась на залитом водой полу, просунув голову под родильное кресло; я расслышал крик, а потом радостный смешок.

– Ай-ай! – провизжала она. – Пелей, это его ножка! Он выходит задом, это его ножка!

Она выползла из-под кресла, поднялась на ноги и развернула меня к себе с силой юноши, которой я не ожидал от ее дряхлых рук.

– Ты хочешь живого сына?

– Да, да!

– Тогда разомкни ей ноги, мой господин. Он выходит ножками, его голова цела.

Я опустил на пол, положил левую руку на колено Фетиды, которое было сверху, просунул правую под него, чтобы схватить второе колено, на котором лежала ее нога, и потянул руки в стороны. Ее кости угрожающе хрустнули; она вскинула голову и обрушила на меня едкий дождь плевков и проклятий, ее лицо – клянусь, я смотрел на нее, а она на меня, – сжалось и заострилось, приняв форму змеиной морды. Колени ее начали расходиться в стороны; я был слишком силен для нее. И если это не могло доказать ее смертность, то что тогда?

Аресуна нырнула мне под руки. Я закрыл глаза и продолжал тянуть. Раздался резкий, короткий звук, конвульсивный вдох, и внезапно комната наполнилась младенческим ором. Мои глаза раскрылись, и я недоверчиво уставился на Аресуну, на то, что она держала вниз головой у себя в руке: страшное, мокрое, скользкое существо, которое дергалось, извивалось и вопило так, что было слышно на небесах, – существо с пенисом и мошонкой, торчащими под плодной оболочкой. Сын! У меня живой сын!

Фетида сидела молча, с опустошенным, спокойным лицом. Но глаза ее были обращены не ко мне. Она смотрела на моего сына, которого Аресуна обмывала, перерезала пуповину и заворачивала в чистую пеленку из белого льна.

– Сын, на радость твоему сердцу, Пелей! – смеялась Аресуна. – Самый большой, самый здоровый младенец из всех, которых я видела! Я вытащила его на свет за правую пяточку.

Я встревожился:

– За пятку! За правую пятку, старуха! Она сломана? Изувечена?

Она подняла пеленки и продемонстрировала мне младенческую ступню совершенной формы – левую – и другую, распухшую и посиневшую от пятки до щиколотки.

– Они обе целы, мой господин. Правая заживет, и все следы сойдут.

Фетида рассмеялась, слабо и бесцветно.

– Правая пятка. Так вот как он вдохнул земной воздух. Его нога появилась на свет первой... Неудивительно, что он так меня разодрал. Да, следы сойдут, но правая пятка принесет ему гибель. Однажды, когда ему понадобятся ее крепость и сила, она вспомнит, как он родился, и предаст его.

Стоя с протянутыми вперед руками, я не обратил на нее внимания.

– Дай его мне! Дай мне посмотреть на него, Аресуна! Сердце от сердца моего, моя суть, сын мой! Мой сын!

Я известил двор о том, что у меня появился наследник. Какое ликование, какая радость! Весь Иолк, вся Фессалия страдали вместе со мной все эти годы.

Но когда толпа разошлась, я остался сидеть на троне из белого мрамора, опустив голову на руки, настолько уставший, что был не в силах даже думать. Последние голоса замерли вда-

леке, и ночь принялась ткать свой мрачный, унылый покров. Сын. У меня есть сын, хотя должно было быть семь. Моя жена – сумасшедшая.

Она вошла в тускло освещенный зал босая, в том же прозрачном свободном одеянии, которое носила на Скиросе. С лицом постаревшим и покрытым морщинами, она медленно шла по холодному, выложенному плитками полу походкой, выдающей телесную боль.

– Пелей...

Она остановилась у подножия трона.

Я поднял голову, с усилием оторвав ее от рук.

– Я возвращаюсь на Скирос, муж мой.

– Ликомед не примет тебя, жена.

– Тогда я пойду туда, где меня примут.

– На колеснице, запряженной змеями, как Медея?

– Нет. Я поплыву на спине дельфина.

Я никогда ее больше не видел. На рассвете Аресуна привела двух рабов, и они помогли мне встать и уложили в постель. Я спал без единого сновидения, пока еще один круг не прибавила колесница Феба к бесконечному странствию вокруг нашего мира, и, проснувшись, помнил только, что у меня есть сын. Взбежав вверх по ступеням в детскую, словно на ногах у меня были крылатые сандалии Гермеса, я увидел, как Аресуна берет моего сына у кормилицы – здоровой молодой женщины, которая потеряла собственного младенца, как следовало из бормотания старухи. Ее звали Левкиппа – «белая кобыла».

Моя очередь. Я взял его на руки и почувствовал, какой он тяжелый. Неудивительно для того, кто выглядел так, словно был отлит из золота. Вьющиеся золотистые волосы, золотистая кожа, золотистые брови и ресницы. Широко открытые глаза не отрываясь смотрели на меня, они были темными, но я подумал, что, когда научатся видеть, они тоже обретут золотистый оттенок.

– Как ты назовешь его, мой господин? – спросила Аресуна.

Я не знал. У него должно быть собственное имя, а не то, которое принадлежало кому-то еще. Но какое? Я посмотрел на его нос, щеки, подбородок, лоб – изящно очерченные, взявшие больше от Фетиды, чем от меня. Губы были его собственными, точнее, у него их не было: ртом служила прямая щелочка над подбородком, выражавшая отчаянную решимость, но изогнутая печальной дугой.

– Ахилл.

Она одобритительно кивнула.

– Безгубый. Это имя ему подходит, мой господин. – Потом она вздохнула. – Его мать изрекла пророчество. Ты пошлешь гонца в Дельфы?

Я покачал головой:

– Нет. Моя жена – сумасшедшая, и я не верю ее предсказаниям. Но пифия говорит правду. Я не хочу знать, что уготовано моему сыну.

Глава третья (рассказанная Хироном)

У меня было любимое место перед моей пещерой – сиденье, высеченное в скале богами за целую вечность до того, как на гору Пелион пришли люди. Оно было на самом краю утеса, и не счесть времени, сколько я провел, сидя на нем, подстелив медвежью шкуру, чтобы защитить свои старые кости от грубой ласки камня, оглядывая земли и море внизу, как царь, которым я никогда не был.

Я чувствовал себя слишком старым, особенно осенью, когда приходила боль, возвещающая скорую зиму. Никто не помнил, сколько точно мне лет, и я – меньше всех: приходит время, когда реальность возраста исчезает и все прожитые годы сливаются в один долгий день в ожидании смерти.

Рассвет обещал ясный и мирный день, поэтому еще до восхода солнца я сделал всю нехитрую домашнюю работу и отправился вдыхать холодный серый воздух. Моя пещера находилась высоко на горе Пелион, почти на вершине южного склона, нависая над краем огромной пропасти. Я завернулся в медвежью шкуру и стал ждать солнца. Вид, который расстилался передо мной, никогда мне не надоедал; несчетные годы наблюдал я с вершины Пелиона за миром внизу, побережьем Фессалии и Эгейским морем. И, наблюдая за восходом солнца, я выудил из своей алебастровой коробочки со сладостями кусок меда в сотах и принялся жадно сосать, впившись в него беззубыми деснами. В его вкусе смешались дикий луг, легкий ветерок и свежесть соснового леса.

Мой народ, кентавры, обитал на Пелионе с незапамятных времен и служил царям земель Эллады учителями их отпрысков, ибо как учителя мы не знали себе равных. Я говорю «служили», ибо я – последний из кентавров, после моей смерти наша раса прекратит свое существование. В интересах своего дела многие из нас выбирали безбрачие, и мы не смешивали свою кровь с кровью женщин других племен, поэтому, когда женщинам кентавров надоело владеть жалкое существование, лишённое какой-либо радости, они попросту покинули Пелион. Нас рождалось все меньше и меньше, ибо большинство кентавров почитали за слишком большой труд отправиться во Фракию, куда ушли наши женщины, чтобы присоединиться к менадам и служить Дионису. Так появилась легенда о том, будто кентавры невидимы, ибо они наполовину люди, наполовину лошади и потому боятся людей. Интересно было бы посмотреть на такое создание, если бы только оно существовало. Но нет. Кентавры были обычными людьми.

Мое имя было известно всей Элладе: я – Хирон, учитель большинства тех, из кого выросли славные герои, – Пелея и Теламона, Тидея, Геракла, Атрея и Фиеста. И это далеко не все. Однако это было давно, и, наблюдая за тем, как рассветает, меньше всего я думал о Геракле и его племени.

Пелион покрыт густым ясеневым лесом, причем ясени эти выше и стройнее тех, которые растут в других местах. В это время года лес превращается в сверкающее желтое море, ибо каждый умирающий лист дрожит от малейшего ветерка. Прямо подо мной простиралась голая скальная насыпь: пять сотен локтей пространства без единого цветного вкрапления, будь то зеленого или желтого, – ниже опять начинался ясеневый лес, тянувшийся к небу и наполненный птичьим гомоном. Я никогда не слышал звуков присутствия человека, а стало быть, ни один смертный не стоял между мной и вершинами Олимпа. Далеко-далеко внизу лежал Иолк, похожий на муравьиное царство; сравнение это неудачно только на первый взгляд, ведь жителей Иолка называют мирмидонянами – муравьиным народом.

Из всех городов ойкумены (кроме тех, которые стояли на Крите и Тере, пока Посейдон не сровнял их с землей) только у Иолка не было стен. Кто бы отважился напасть на дом мир-

мидонян, воинов, которым не было равных? За это я любил Иолк еще больше. Стены внушали мне страх. В далекие дни, путешествуя, я никогда не мог оставаться запертым в Микенах или Тиринфе больше чем на пару дней. Стены – это укрепления смерти, которые она строит из камня, добытого в Тартаре⁹.

Я отшвырнул медовые соты и потянулся к винным мехам, замороженный солнцем, окрасившим великие просторы Пагассийского залива в малиновый цвет, бросавшим блики на позолоченные статуи дворцовой крыши, расцветившим красками колонны и стены храмов, дворца, общественных зданий.

От города к моему уединенному пристанищу вела дорога, но ею никогда никто не пользовался. Сегодня утром, однако, все было по-другому: до меня донесся шум повозки. Мои созерцательные раздумья сменились гневом, я поднялся на ноги и, прихрамывая, пошел встретить нахала и отправить восвояси. Это оказался человек знатного рода в охотничьей повозке, которую мчала пара подобранных в масть фессалийских гнедых, на его хитоне была эмблема царского дома. Ясный, живой взгляд, улыбка – он спрыгнул на землю с изяществом, которое могло быть присуще только юноше, и направился в мою сторону. Я отпрянул назад – запах человека давно уже стал мне отвратителен.

– Царь приветствует тебя, мой господин, – сказал юноша.

– В чем дело? В чем дело?

К собственной досаде, я обнаружил, что голос мой звучит надтреснуто и скрипуче.

– Царь приказал мне передать тебе сообщение, Хирон. Завтра он и его венценосный брат приедут, чтобы вверить своих сыновей твоему попечению, пока те не достигнут зрелого возраста. Ты обучишь их всему, что им нужно знать.

Я стоял как вкопанный. Воистину, царь Пелей знал, что делает! Слишком старый для того, чтобы возиться с шумными мальчишками, я больше не брал учеников, даже из отпрысков такого славного дома, как дом Эака.

– Скажи царю, что я недоволен! Я не хочу учить ни его сына, ни сына его царственного брата Теламона. Передай ему, если он завтра поднимется на гору, то попусту потеряет время. Хирон отошел от дел.

С лицом, на котором была написана тревога, юноша посмотрел на меня.

– Я не посмею передать ему такое послание, мой господин Хирон. Мне было приказано сообщить тебе о его приезде, и я это сделал. Меня не просили привезти ответ.

Когда охотничья повозка скрылась из виду, я вернулся назад к своему креслу и увидел, что пейзаж запылал багрянцем – цветом моего гнева. Как посмел царь решить, будто я возьму его сына – или сына Теламона, все равно – в ученики? Много лет назад не кто иной, как Пелей, разослал гонцов по всем царствам Эллады с вестью о том, что кентавр Хирон отошел от дел. А теперь он нарушил собственный указ.

Теламон, Теламон... У него было много детей, но только двое любимых. Тот, который на два года старше, – незаконнорожденный, от троянской царевны Гесионы, Тевкр. Второй – его законный наследник, Аякс. С другой стороны, у Пелея был только один ребенок – Ахилл, сын царицы Фетиды, который чудесным образом выжил после того, как шестеро до него умерли при рождении. Сколько лет сейчас Аяксу и Ахиллу? Конечно, они еще маленькие: вонючие, сопливые, едва принявшие человеческий облик. Брр...

Когда я вернулся в пещеру, радость моя испарилась и глубоко в мозгу тлели угольки гнева. Не было никакой возможности избежать этой задачи. Пелей был верховным царем Фессалии; я, как его подданный, должен был повиноваться. Я оглядел свое просторное, полное

---

⁹ Тартар – в древнегреческой мифологии глубочайшая бездна под царством мертвых Аидом. Тартар был окружен тройным слоем мрака и железной стеной с железными воротами, воздвигнутыми Посейдоном.

воздуха убежище, со страхом думая о предстоящих мне днях и годах. Моя лира лежала на столе в глубине главного зала, ее струны покрылись пылью от долгого бездействия. Угрюмо и нехотя я посмотрел на нее, потом взял в руки и сдул свидетельство моего пренебрежения. Струны провисли все до единой, поэтому мне пришлось подтянуть каждую, чтобы заставить издавать верный тон, и только тогда я смог заиграть.

О, мой голос! Он пропал, пропал. Пока Феб гнал свою колесницу с востока на запад, я играл и пел, уговаривая свои заострившие пальцы обрести гибкость, растягивая кисти и запястья, повторяя гаммы. Поскольку входить в форму на глазах учеников было бы неправильно, я должен был вновь обрести свое мастерство до их приезда. Лишь когда пещера наполнилась сумраком и черные бесшумные тени летучих мышей запорхали сквозь него к своему обиталищу в недрах горы, я остановился, уставший до невозможности, замерзший, голодный, в дурном расположении духа.

Пелей и Теламон приехали в полдень, оба на одной царской колеснице; следом ехали еще одна колесница и запряженная волами тяжелая повозка. Склонив голову, стоял я у дороги, куда спустился, чтобы их встретить. Мы не виделись с верховным царем много лет, а с Теламоном и того дольше. Я смотрел, как они приближаются, и настроение мое улучшалось. Да, они были царями, эти два мужа, излучавшие силу и власть. Пелей был по-прежнему высок и могуч, Теламон по-прежнему гибок. Беды обоих остались в прошлом, но лишь после долгой борьбы, войны, страданий. И эти кузнецы металла в душах мужей оставили после себя неизгладимый след. Золото волос у обоих поблекло, возвещая скорую седину, но ни следа увядания не заметил я в их крепких телах, на суровых, с твердыми чертами лицах.

Пелей сошел с колесницы первым и подошел ко мне раньше, чем я успел отступить назад; я весь сжался, когда он нежно меня обнял, и почувствовал, что мое отвращение смягчилось от его теплоты.

– Рано или поздно, Хирон, приходит время, когда постареть еще больше уже невозможно. Как поживаешь?

– Очень хорошо, мой господин.

Мы отошли от колесниц в сторону. Я бросил на Пелея мятежный взгляд.

– Как ты можешь просить меня вернуться к учительству, мой господин? Разве я недостаточно тебе послужил? Неужто вы не можете найти своим сыновьям другого наставника?

– Хирон, тебе нет равных. – Пристально глядя на меня с высоты своего роста, Пелей схватил меня за руку. – Ты должен знать, как много значит для меня Ахилл. Он мой единственный сын, других не будет. После моей смерти к нему перейдут оба трона, поэтому он должен быть образован. Я могу многому научить его сам, но мне нужна хорошая основа. Только ты сможешь ее заложить, Хирон, и ты это знаешь. Быть наследным царем в Элладе – рискованно. Всегда найдутся соперники, чтобы сбросить тебя с трона. – Он вздохнул. – Кроме того, я люблю Ахилла больше жизни. Как я могу отказать ему в образовании, которое получил сам?

– Похоже, ты избаловал мальчика.

– Нет, по-моему, его невозможно избаловать.

– Я не хочу этого делать, Пелей.

Он склонил голову набок и нахмурился.

– Глупо погонять мертвую лошадь, но, может, ты хотя бы взглянешь на мальчиков? Возможно, ты изменишь решение.

– Нет, даже если увижу еще одного Геракла или Пелея, мой господин. Но я взгляну на них, если ты того желаешь.

Пелей повернулся и махнул рукой двум мальчикам, стоявшим у второй колесницы. Они подошли медленно, один спрятавшись за спиной у другого; того, кто шел сзади, рассмотреть я не мог. Ничего чудесного. Мальчик, что шел первым, определенно привлекал взгляд, но

вместе с тем разочаровывал. Это и был Ахилл, желанный единственный сын? Нет, вряд ли. Это, наверно, Аякс, для Ахилла он слишком большой. Четырнадцать лет? Тринадцать? Ростом со взрослого мужа, длинные руки и плечи бугрятся мускулами. Парень, конечно, недурен, но ничего выдающегося в нем нет: просто крупный подросток, немного курносый, с невозмутимым взглядом серых глаз, которым недоставало света истинного ума.

– Это Аякс, – с гордостью сказал Теламон. – Ему только десять, но выглядит он намного старше.

Я жестом приказал Аяксу отойти в сторону.

– Это Ахилл? – Голос мой прозвучал сдавленно.

– Да, – ответил Пелей, пытаясь казаться бесстрастным. – Он тоже большой для своих лет. Ему исполнилось шесть.

У меня пересохло в горле. Я сглотнул. Уже в таком возрасте он обладал какой-то личной магией, бессознательными чарами, которые привлекали людей и пробуждали в них любовь к нему. Не такого плотного сложения, как его двоюродный брат Аякс, этот ребенок был достаточно высоким и крепким. Его манера стоять была очень спокойной для такого маленького мальчика – вес тела он перенес на одну ногу, а другую грациозно выставил немного вперед, руки свободно свисали вдоль тела без намека на неловкость. Спокойный и неосознанно царственный, он казался отлитым из золота. Волосы – как лучи Гелиоса, брови вразлет, глаза, сверкающие, как желтый хрусталь, гладкая золотистая кожа. Очень красивый, если не считать беззубого рта, похожего на прямую щелочку, душераздирающе грустный, но такой решительный, что я дрогнул. Он серьезно посмотрел на меня глазами цвета поздней зари, туманно-желтыми – глазами, полными любопытства, боли, горя, смущения и разума.

Я списал со своего счета еще семь из отпущенных мне несчетных лет, когда услышал собственный голос:

– Я приму их в ученики.

Пелей просиял, Теламон заключил меня в объятия; они не были уверены в успехе.

– Мы не задержимся, – сказал Пелей. – В повозке есть все, что мальчикам может понадобиться, наши слуги обо всем позаботятся. Старый дом еще стоит?

Я кивнул.

– Тогда слуги могут жить в нем. Я приказал им беспрекословно тебе подчиняться. Ты будешь говорить от моего имени.

Вскоре они уехали прочь.

Оставив рабов разгружать телегу, я направился к мальчикам. Аякс стоял подобно горе, флегматичный и покорный, и смотрел на меня глазами, в которых не было ни тени мысли; такому твердому черепу потребуется не один тумак, прежде чем заключенный в нем разум осознает, для чего предназначен. Ахилл все еще провожал взглядом отца, и его яркие глаза были наполнены непролитыми слезами. Расставание было для него болезненным.

– Пойдемте со мной, молодые люди. Я покажу вам ваш новый дом.

Они молча последовали за мной в пещеру, где я показал им, насколько удобным может быть такое жилище, пусть и странное на первый взгляд. Спать им предстояло на мягких меховых шкурах, учиться – в специально отведенной части главного зала. Потом я привел их к краю пропасти и уселся в свое кресло, оставив их стоять по сторонам.

– Не терпится приступить к наукам?

Мой вопрос предназначался скорее Ахиллу, нежели Аяксу.

– Да, мой господин, – вежливо ответил Ахилл; по крайней мере, отец научил его манерам.

– Меня зовут Хирон. Так и обращай ко мне.

– Да, Хирон. Отец говорит, я должен радоваться.

Я повернулся к Аяксу:

– На столе в пещере лежит лира. Принеси мне ее – и смотри не урони.

Громадный недоросль посмотрел на меня без всякой обиды и будничным тоном заметил:

– Я никогда ничего не роняю.

Мои брови поползли вверх; я уже готов был весело ему подмигнуть, но не увидел в серых глазах сына Теламона ответной искры. Вместо этого он в точности выполнил то, что ему было велено, как хороший солдат, который повинуется приказам, не задавая вопросов. Мне подумалось, это было бы лучшее, что я мог бы сделать для Аякса. Сделать из него солдата, совершенного по силе и выносливости. В глазах же Ахилла мое веселье отразилось, как в зеркале.

– Аякс всегда делает то, что ему приказали, – сказал он твердым, хорошо поставленным приятным голосом, услаждавшим мне слух, потом протянул руку и указал на город далеко внизу. – Это Иолк?

– Да.

– Тогда там, на холме, это, наверно, дворец? Какой маленький! Я всегда думал, что Пелион по сравнению с ним не такой уж и высокий, но отсюда он выглядит не больше обычного дома.

– Все дворцы так выглядят, если отойти от них подальше.

– Да, я вижу.

– Уже скучаешь по отцу?

– Я думал, что заплачу, но это прошло.

– Весной ты с ним увидишься, время пролетит очень быстро. Я не дам вам прохлаждаться, ведь именно праздность порождает неудовольствие, беды, дурные поступки, пустые шалости.

Он глубоко вдохнул:

– Чему я должен буду учиться, Хирон? Что мне нужно знать, чтобы стать великим царем?

– Одним словом не скажешь, Ахилл. Великий царь – это кладезь знаний. Любой царь – лучший из мужей, но великий царь понимает, что он представляет свой народ перед лицом богов.

– Тогда я быстро всего не выучу.

Вернулся Аякс с лирой в руках, осторожно следя за тем, чтобы не задеть ею о землю; этот большой инструмент, больше похожий на арфу, которая в ходу у египтян, был сделан из огромного черепахового панциря, переливающегося коричневыми и янтарными оттенками, с золотыми крючками для струн. Я положил ее к себе на колени и легонько погладил по струнам: те в ответ издали мелодичный звук.

– Вы должны играть на лире и знать песни своего народа. Быть некультурным или невежественным – величайший грех. Вы должны изучить историю и географию мира, все чудеса природы, все сокровища под сердцем великой матери Кибелы, которая и есть сама Земля. Я научу вас охотиться, убивать и сражаться любым оружием, а также делать его самим. Я покажу вам травы для врачевания болезней и ран и научу делать из них целебный настой, научу закреплять конечности. Великий царь возлагает больше надежд на жизнь, чем на смерть.

– А риторика? – спросил Ахилл.

– Конечно. После моих уроков вы сможете красноречием вырывать у слушателей сердца из груди, повергая их в радость или печаль. Я научу вас справедливо судить о людях, создавать законы и выполнять их. Я научу вас тому, чего ожидают от вас боги, поскольку вы – избранные. – Я улыбнулся. – И это только начало!

Потом я взял лиру, поставил ее основанием на землю и провел рукой по струнам. Всего несколько мгновений я играл, давая звукам набрать высоту, и, когда последний аккорд растворился в безмолвии, запел:

Он был один и видел в жизни своей одну неприязнь.

Богиня Гера в темном замысле простерла руки,
И задрожали златые колонны Олимпа,
Когда она, потеряв покой, за ним наблюдала.
Безжалостен был божественный гнев! Великий Зевс,
Власти своей лишенный, беспомощен был,
Пообещав славной Гере,
Что будет сын его оковы тяжкие влачить на земле.
Приспешник ее, Эврисфей, холоден и безжалостен,
Улыбаясь, считал, сколько потов сойдет с Геракла в уплату,
Ибо грехи богов искупают их дети,
Ведь не пристало богам снисходить до расплаты.
Этим и отличаются люди
От богов, которые заставляют их страдать вместо себя.
Незаконнорожденный сын, которому было отказано в капле
божественной крови,
Геракл взял на себя цену страсти.
В муках и унижении платил он выкуп,
А Гера смеялась, видя слезы могучего Зевса...

Это была песнь о Геракле, столько лет избегавшем верной смерти, и во время пения я наблюдал за обоими. Аякс слушал внимательно; Ахилл напрягся всем телом, нагнулся вперед, положив подбородок на руки и опершись локтями о подлокотник моего кресла, глаза на расстоянии ладони от моего лица. Когда я выпустил лиру, он уронил руки и вздохнул, обессиленный.

Так все началось, и так все продолжалось, пока годы шли своим чередом. Ахилл во всем держал первенство, в то время как Аякс прилежно корпел над своими задачами. Но сын Теламона не был глупцом. Он обладал мужеством и упорством, которым позавидовал бы любой могущественный царь, и ему всегда удавалось держаться на должном уровне. Но моим любимцем, моей радостью был Ахилл. Что бы я ни говорил ему, он откладывал это у себя в уме с ревнивой тщательностью, чтобы использовать, когда станет великим царем, – так он говорил, улыбаясь. Ему нравились науки, и он преуспел во всех, не важно, требовалось ли от него приложить руки или голову. У меня до сих пор остались вылепленные им глиняные миски и маленькие рисунки.

Но как бы хорошо ему ни давалась учеба, Ахилл был рожден для действия, войны и великих подвигов. Даже в физическом развитии обошел он своего двоюродного брата, потому что был быстр, как молния, и хватался за оружие с жадностью, сродни той, с которой иные женщины бросаются к ларцу с самоцветами. Он метал копье точно в цель, и я не мог уследить за его мечом, стоило ему вытащить тот из ножен. Был слышен только свист воздуха и звуки тупых и острых ударов. О да, он был рожден, чтобы командовать. Он понимал искусство войны без всяких усилий, инстинктивно. Прирожденный охотник, он часто возвращался в пещеру, волоча за собой дикого вепря, слишком тяжелого, чтобы взвалить на плечи, мог загнать оленя. Только однажды я увидел, как отвернулась от него удача, когда, на полном ходу преследуя зверя, он рухнул на землю с такой силой, что прошло немало времени, пока он пришел в себя. Правая нога не выдержала, как он потом объяснил.

Аякс мог вспыхнуть от ярости, но я никогда не видел, чтобы Ахилл выходил из себя. Он не был ни застенчивым, ни замкнутым, но в то же время ему были присущи внутреннее спокойствие и отстраненность. Думающий воин. Какая редкость! И все же его рот-щель говорил о том, что у его природы есть обратная сторона, и проявлялась она только в одном: когда что-

нибудь не соответствовало его представлению о совершенстве, он становился холоден и непреклонен, как северный ветер, сыплющий снегом.

Эти семь лет, когда я был их наставником, были лучшими в моей жизни, и не только благодаря Ахиллу, но и Аяксу тоже. Так велика была разница между двоюродными братьями и так велики их совершенства, что задача выковать из них мужей наполнилась для меня любовью. Из всех учеников лучшим для меня был Ахилл. Когда он покинул меня навсегда, я плакал, и на долгие луны моя воля к жизни стала для меня гнусом не менее ненавистным, чем тот, который терзал Ио¹⁰. Прошло много времени, прежде чем я смог сесть в свое кресло и посмотреть вдаль, на сияющие позолотой крыши дворца, без того, чтобы глаза мои не застлала влажная пелена, отчего позолота и черепица сливались друг с другом подобно металлам в плавильном тигле.

---

¹⁰ Согласно легендам, Зевс полюбил прекрасную Ио и, чтобы скрыть ее от своей жены Геры, превратил в белоснежную корову. Но это не спасло Ио, ибо Гера послала чудовищного овода, который без устали терзал несчастную Ио и гнал ее из страны в страну, пока она не достигла Египта. – *Примеч. ред.*

Глава четвертая (рассказанная Еленой)

Ксантиппа устроила мне нелегкий поединок; я вернулась с ристалища, задыхаясь от изнеможения. Мы собрали большую толпу зрителей, и я подарила кругу восхищенных лиц свою самую сияющую улыбку. Ни один мужчина не поздравил Ксантиппу с выигранным боем. Они пришли посмотреть на меня. Столпившись вокруг, они шумно восхваляли меня, пользовались любым предлогом, чтобы прикоснуться к моей руке или плечу, самые смелые в шутку предлагали мне поединок, когда я того пожелаю. Я без труда отбивала их остроты, пошлые, далекие от утонченности.

В свои годы я все еще считалась ребенком, но глаза зрителей отрицали это. Их взгляды говорили мне то, что я и так знала, ибо в моих комнатах были зеркала из полированной меди и у меня самой были глаза. Хотя все они были высокопоставленными придворными, никто из них не имел веса и им не было места в моих планах на будущее. Я отряхнулась от их взглядов, как от воды после ванны, выхватила у рабыни льняное полотенце и под хор протестующих возгласов обернула его вокруг своих нагих потных бедер.

И тут в толпе я увидела своего отца. Отец наблюдал за боем? Невероятно! Он никогда не ходил смотреть на то, как женщины пародируют состязания мужей! Увидев выражение моего лица, некоторые из придворных обернулись, но уже через мгновение исчезли все до единого. Я подошла к отцу и поцеловала в щеку.

– Ты всегда вызываешь у зрителей подобный восторг, дитя? – нахмурился он.

– Да, отец, – самодовольно ответила я. – Ты же знаешь, как мной восхищаются.

– Я это вижу. Должно быть, старею, теряю наблюдательность. К счастью, твой старший брат не стар и не слеп. Сегодня утром он посоветовал мне пойти посмотреть на женские состязания.

Я ошетибилась:

– Какое Кастору до меня дело?

– Плохо было бы, если бы это было не так!

Мы подошли к двери тронного зала.

– Смой пот, Елена, оденься и возвращайся ко мне.

Его лицо было непроницаемо, поэтому я пожалала плечами и помчалась прочь.

В комнатах меня ждала Неста, ворча и кудахтая. Я позволила ей раздеть меня, предвкушая теплую ванну и ощущение щетки на своей коже. Непрерывно болтая, она бросила полотенце в угол и расшнуровала мою набедренную повязку. Но я ее не слушала. Пробежав по холодным каменным плитам, я прыгнула в ванну и радостно заплескалась. Как приятно чувствовать, как вода обнимает и нежит меня, достаточно мутная для того, чтобы я могла ласкать себя, не рискуя, что глаза-бусины Несты это заметят. И как приятно потом стоять, пока она натирает меня ароматическими маслами, и втирать их в себя самой. За день никогда не бывает слишком много моментов, чтобы ласкать себя, гладить, порождать в себе дрожь и трепет, до которых таким девушкам, как Ксантиппа, судя по всему, дела было намного меньше, чем мне, наверно потому, что им не встретилось своего Тесея, который бы научил их этому.

Одна из рабынь разложила мою юбку в широкий круг на полу, чтобы я могла войти в середину. Потом они подтянули ее вверх и закрепили на талии. Юбка была тяжелая, но я успела привыкнуть к этой тяжести, ведь я носила женские одежды уже два года, с тех самых пор как вернулась из Афин. Моя мать посчитала нелепым снова нарядить меня в детский хитон после той истории.

Потом настала очередь корсажа, зашнурованного под грудью, и широкого пояса с фартуком – чтобы его застегнуть, мне нужно было глубоко вдохнуть и втянуть живот. Рабыня осторожно пропустила мои кудрявые волосы сквозь отверстие в золотой диадеме, другая вдела мне в уши красивые хрустальные серьги. Одну за другой я протянула им свои босые ноги, чтобы они нанизали колечки и колокольчики на каждый из десяти пальцев, потом руки – украсить запястья десятками звенящих браслетов, а пальцы – кольцами.

Когда они закончили, я подошла к самому большому зеркалу на другой стороне комнаты и критически оглядела себя с головы до ног. Эта юбка была самой красивой из всех моих одежд. От талии до щиколоток она была собрана в бесчисленные складки, оттянутые книзу хрустальными и янтарными бусинами, амулетами из ляпис-лазури и чеканного золота, золотыми колокольчиками и подвесками из фаянса, – каждое мое движение сопровождала музыка. Пояс был зашнурован недостаточно туго, и я приказала двум рабыням затянуть его сильнее.

– Почему мне нельзя накрасить соски золотом, Неста?

– Мне жаловаться бесполезно, царевна. Спроси у своей матери. А лучше оставь это до той поры, когда тебе это действительно будет нужно, – после того как родишь ребенка и твои соски потемнеют.

Я решила, что она права. Мне повезло: мои соски были ярко-розовыми, тугими, словно бутоны, а груди – высокими и налитыми.

Как говорил Тесей? Два маленьких белых щенка с розовыми носами. Стоило мне подумать о нем, как настроение мое изменилось и я резко отвернулась от своего отражения под бисерный звон. О, снова лежать в его объятиях! Тесей, возлюбленный мой. Его губы, его руки, его томительные ласки, пробуждавшие страстную жажду... Потом пришли они и забрали меня, мои достойные братья, Кастор и Полидевк. Если бы только он был тогда в Афинах! Но он был далеко, на Скиросе с царем Ликомедом, и никто не посмел прекословить сыновьям Тиндарея.

Я позволила рабыням подвести мне глаза линией из разведенного водой черного порошка и накрасить золотом веки, но отказалась от кармина для щек и губ. В нем нет нужды, говорил Тесей. Потом я спустилась в тронный зал к отцу, который сидел у окна в выложенном подушками кресле. Он тут же поднялся:

– Подойди к свету.

Я молча повиновалась; отец во всем мне потакал, да, но это не мешало ему оставаться царем. Когда я встала на жестоко палящее солнце, он отступил на несколько шагов назад и посмотрел на меня так, словно никогда раньше не видел.

– О да, глаз у Тесея был наметан лучше, чем у лакедемонян! Твоя мать права, ты уже совсем взрослая. Поэтому нам нужно что-то сделать, пока не нашелся еще один Тесей.

Мое лицо вспыхнуло. Я промолчала.

– Тебе пора замуж, Елена. – Он задумался на мгновение. – Сколько тебе лет?

– Четырнадцать, отец.

Замуж! Как интересно!

– Самое время.

Вошла мать. Я опустила глаза, чувствуя себя неловко оттого, что стояла перед отцом, который рассматривал меня как мужчину. Но она не обратила на это внимания, встала рядом с ним и тоже окинула меня взором. Они обменялись долгими понимающими взглядами.

– Я говорила тебе, Тиндарей.

– Да, Леда, ей нужен муж.

Моя мать залилась высоким, звонким смехом, который, по слухам, очаровал всемогущего Зевса. Ей было примерно столько же лет, сколько мне, когда ее нашли нагой в обнимку с огромным лебедем, стонущую и кричащую от наслаждения. Она быстро соображала: «Зевс, Зевс, этот лебедь – Зевс, он взял меня силой!» Но я, ее дочь, прекрасно все понимала. Каково это – чувствовать прикосновение восхитительных белых перьев? Три дня спустя отец выдал ее

за Тиндарея¹¹, и она дважды родила ему близнецов: сначала Кастора и Клитемнестру, а потом, через несколько лет, меня с Полидевком. Но сейчас все думают, будто это Кастор и Полидевк – близнецы. Или что мы родились четверней. Если так, то кто из нас был от Зевса и кто – от Тиндарея? Загадка.

– Женщины в моем роду созревают рано и много страдают.

Леда, моя мать, все еще смеялась.

Но отец не смеялся. Его ответом было краткое и довольно мрачное «да».

– Найти ей мужа не составит труда. Тебе придется отгонять их дубиной, Тиндарей.

– Ну, она знатного рода, с богатым приданым.

– Чушь! Она так красива, что не важно, есть у нее приданое или нет. Верховный царь Аттики сделал нам одолжение – он разнес славу о ее красоте от Фессалии до Крита. Не каждый день муж, настолько умудренный годами и пресыщенный, как Тесей, теряет голову настолько, чтобы похитить двенадцатилетнего ребенка.

Губы отца напряглись, и он жестко произнес:

– Я предпочел бы об этом не говорить.

– Как жаль, что она красивее Клитемнестры.

– Клитемнестра подходит Агамемнону.

– Как жаль, что у Микен нет еще одного верховного царя.

– В Элладе еще три верховных царя.

В нем заговорила практическая сметка.

Я тихонько отошла в тень, не желая, чтобы меня заметили и заставили выйти. Разговор шел обо мне, и это было очень интересно. Мне нравилось, когда меня называли красавицей. Особенно когда говорили, что я красивее Клитемнестры, моей старшей сестры, которая вышла замуж за Агамемнона, верховного царя Микен и всей Эллады. Пусть она никогда мне не нравилась, но в мои детские годы она внушала мне благоговейный трепет, когда проносилась по залам дворца в очередном приступе гнева: огненно-рыжие волосы вставали дыбом от ярости, черные глаза метали молнии. Я ухмыльнулась. Она точно извела мужа своими припадками, будь он хоть трижды верховный царь! Хотя Агамемнон явно был способен держать ее в узде. Такой же властный, как Клитемнестра.

Мои родители обсуждали мой брак.

– Я, пожалуй, разошлю гонцов ко всем царям.

– Да, и чем скорее, тем лучше. Хотя новые боги и хмурят брови на полигамию, многие из царей не взяли себе цариц. Идоменей, к примеру. Ты только представь! Одна дочь – на троне Микен, а вторая – на критском. Какой триумф!

Отец заколебался:

– Крит уже не обладает такой властью, как прежде. Эти два трона нельзя сравнивать.

– Филоктет?

– Да, он достойный муж, ему пророчат великие подвиги. Однако он царь Фессалии, а значит – вассал Пелея и Агамемнона. Я больше склоняюсь к Диомеду: он только что вернулся из похода на Фивы и купается в богатстве не меньше, чем в славе. И Аргос лежит по соседству. Если бы Пелей был моложе, то я не искал бы никого другого, но, говорят, он отказывается жениться вторично.

– Что проку рассуждать о тех, кто недоступен, – тут же вставила слово мать. – Всегда останется Менелай.

– Разве можно забыть о нем!

---

¹¹ Согласно легендам, мать Елены уже была замужем за Тиндареем, когда ее увидел Зевс и овладел ею в образе лебедя. Таким образом, Елена – дочь Зевса, причем его единственная дочь от смертной женщины. – *Примеч. ред.*

– Разошли приглашения всем, Тиндарей. Кроме царей есть еще их наследники. Одиссей фактически царствует на Итаке, ведь Лаэрт уже дряхлый старик. И Менесфей намного прочней сидит на афинском троне, чем Тесей до него, – хвала богам, нам не придется иметь дело с Тесеем!

Я подскочила на месте.

– Что это значит?

У меня по коже побежали мурашки. Глубоко в сердце я надеялась, что Тесей придет за мной и потребует себе в невесты. Я не слышала его имени с тех пор, как вернулась из Афин.

Мать взяла мои руки в свои и крепко их сжала.

– Что ж, Елена, лучше, если ты узнаешь об этом от нас. Тесей мертв – изгнан и убит на Скиросе.

Я рванулась прочь к себе в комнату, мечты мои пошли прахом. Мертв? Тесей мертв? Часть меня навеки остыла с его смертью.

Две луны спустя приехал мой зять Агамемнон со своим родным братом Менелаем. Когда они вошли в тронный зал, я была там – непривычно до головокружения: все разговоры вдруг завертелись вокруг меня. Гонцы, посланные от дворцовых ворот, предупредили нас заранее, и верховный царь Микен и всей Эллады вошел в зал под звуки горнов, шагая по золотой дорожке, расстеленной ему под ноги.

Я никогда не могла понять, нравился он мне или нет, но понимала, почему во многих он вызывал благоговение. Очень высокого роста, с выправкой и статью профессионального воина, он шел так, будто ему принадлежала вся ойкумена. Смоляные волосы с проблесками седины, цепкий, с затаенной угрозой взгляд, крючковатый нос, на тонких губах застыла гримаса презрения.

Мужички с такой смуглой кожей были редкостью для Эллады, земли рослых и белокурых, но вместо того, чтобы стыдиться своей смуглости, Агамемнон гордо выставлял ее напоказ. Вопреки моде на чисто выбритый подбородок, он щеголял длинной черной кудрявой бородой, скрученной в аккуратные жгуты, закрепленные золотой тесьмой; волосы на голове были убраны на тот же манер. Одет он был в длинный хитон из пурпурной шерсти, расшитый прихотливым золотым узором, в правой руке нес царский скипетр из литого золота, поигрывая им на весу, словно тот был сделан из мягкого туфа.

Мой отец спустился с трона и встал на колени, чтобы поцеловать ему руку, – почтение, которое все цари земель Эллады были обязаны оказывать верховному царю Микен. Мать шагнула вперед, чтобы присоединиться к ним. На мгновение обо мне все забыли, и это дало мне время присмотреться к Менелаю, моему возможному жениху. О! Мое страстное предвкушение сменилось возмущенным разочарованием. Я практически сжилась с мыслью, что стану женой второго Агамемнона, но этот человек был на него ничуть не похож. Он действительно был родным братом верховного царя Микен, сыном Атрея, вышедшим из той же утробы? Это казалось невозможным. Низкого роста. Коренастый. Ноги такие короткие и кривые, что в его узких штанах смотрелись просто смешно. Круглые сутулые плечи. Мужчина с мягким нравом, не любящий спорить. Заурядные черты лица. Волосы такие же огненно-рыжие, как у моей сестры. Возможно, он показался бы мне более привлекательным, если бы волосы у него были другого цвета.

Отец кивнул мне. Нетвердо ступая, я подошла к нему и подала руку. Царственный гость посмотрел на меня, и в его взгляде вспыхнуло восхищение. Первый раз в жизни я столкнулась с удивительным фактом, который в будущем станет для меня обычным делом: я была призовым животным, которое должно было достаться тому, чья ставка окажется выше, ни больше ни меньше.

– Она – совершенство, – обратился Агамемнон к отцу. – Как тебе удастся производить на свет таких красивых детей, Тиндарей?

Отец засмеялся, держа мать за талию.

– От меня в них только половина, мой господин.

Потом они отвернулись и оставили меня беседовать с Менелаем, но я успела услышать вопрос верховного царя:

– Что правда и что нет в той истории с Тесеем?

Мать тут же вмешалась:

– Он похитил ее, мой господин. К счастью, для афинян это оказалось последней каплей.

Они изгнали его прежде, чем он успел лишиться ее девственности. Кастор с Полидевком вернули ее домой нетронутой.

Ложь! Ложь!

Менелай смотрел на меня в упор; я самодовольно вскинула голову.

– Ты первый раз в Амиклах?

Он что-то промямлил, тряся головой.

– Ты что-то сказал?

«Н-н-н-н-нет», – смогла я разобрать.

Он еще и заикается!

Съехались женихи. Менелай был единственным, кому было дозволено остановиться во дворце благодаря родственной связи с нашей семьей и влиянию брата. Остальные разместились в домах придворных вельмож и на постоянных дворах. Их было не меньше ста. Я сделала приятное открытие: никто из них не был так же скучен и отвратителен, как рыжеволосый заика Менелай.

Филоктет с Идомеием приехали вместе: высокий, словно отлитый из золота Филоктет, пышущий здоровьем, и надменный Идомей, шагающий горделивой поступью, с осознанным высокомерием мужа, рожденного в доме Миноса, кому уготовано стать царем Крита после Катрея.

Когда широким шагом вошел Диомед, я увидела лучшего из них. Истинный царь и воин. У него был вид человека, познавшего всю ойкумену, как и у Тесея, разве что он был настолько же смугл, насколько Тесей белокур, он был смуглым, как Агамемнон. Красавец! Высокий и гибкий, словно черная пантера. Его глаза сверкали безудержным весельем, губы, казалось, не устают смеяться. И в первое же мгновение я поняла, что на него пал бы мой выбор. Он говорил со мной, раздевая взглядом; острое желание пронзило меня, и моя плоть жадно заныла. Да, я бы выбрала царя Диомеда из Аргоса, который находится по соседству.

Как только прибыл последний гость, отец устроил пышный пир. Я сидела на тронном помосте, как царица, притворяясь, будто не замечаю пылких взглядов, которые кидали на меня сотни пар глаз, исподтишка бросая свой собственный на Диомеда, который внезапно перевел внимание с меня на мужа, пробирающегося между скамьями, мужа, чей приход кто-то приветствовал возгласами ликования, а кто-то – хмурым взглядом исподлобья. Диомед вскочил и закружил незнакомца в объятиях. Они перекинулись парой слов, потом незнакомец похлопал Диомеда по плечу и направился дальше – к тронному помосту, поприветствовать отца с Агамемноном, которые поднялись ему навстречу. Агамемнон встал? Верховный царь Микен никого не приветствовал стоя!

Он отличался от остальных, этот незнакомец. Он был высоким, и был бы еще выше, если бы его ноги были пропорциональны туловищу. Но это было не так. Они были чересчур короткими и кривоватыми; его мускулистый торс казался слишком большим для таких коротких опор. Лицо же его отличалось замечательной красотой, с тонкими чертами и парой огромных сияющих серых глаз, ярких и выразительных. Волосы у него были рыжие, самого яростного

оттенка, который я когда-либо видела; Клитемнестра с Менелаем рядом с ним казались блеклыми тенями.

Когда взгляд его упал на меня, я почувствовала его силу. Мурашки пробежали у меня по коже. Кто же он?

Отец нетерпеливо махнул рабу, который поставил между ним и Агамемноном еще одно подобающее царю кресло. Кто же это, почему ему воздают такие почести, которые, судя по всему, совсем не произвели на него впечатления?

– Это Елена, – представил меня отец.

– Неудивительно, что здесь собралась вся Эллада, Тиндарей, – бодро ответил гость, взяв с блюда куриную ножку и впившись в нее белыми зубами. – Правы были слухи: она самая красивая женщина в ойкумене. Жди неприятностей от этой своры горячих голов, ведь ты осчастливишь одного и слишком многих разочаруешь.

Агамемнон удрученно посмотрел на отца, и они оба расхохотались.

– Не успел приехать, Одиссей, а уже зришь в корень, как всегда, – произнес верховный царь.

Мое изумление прошло, и я почувствовала себя душой. Конечно, это же Одиссей. Кто еще осмелился бы говорить с Агамемноном как с равным? Кому еще могли поставить царское кресло на тронном помосте?

Я много о нем слышала. Его имя возникало всегда, когда бы ни шла речь о законах, судилищах, новых податях или войне. Отец однажды предпринял долгое путешествие на Итаку только ради его совета. Он считался самым умным человеком во всей ойкумене, умнее даже Нестора и Паламеда. И он был не просто умен, он был мудр. Поэтому ничего удивительного, что в моем воображении Одиссей был почтенным старцем с седой бородой, сгорбленным от долгой жизни, таким же дряхлым, как царь Пилоса Нестор. Когда Агамемнону требовалось принять важное решение, он посылал за Паламедом, Нестором и Одиссеем, но обычно решение принимал Одиссей.

О Лисе с Итаки – так его прозвали – ходило много слухов. Его царство состояло из четырех скалистых бесплодных островков у западного побережья, владений бедных и жалких по сравнению с другими царствами. Дворец его был скромных размеров, и он сам пахал землю, ибо его подданные не могли собрать достаточно налогов, чтобы обеспечить ему праздность. Но при всем при этом его имя принесло Итаке, Левкаде, Закинфу и Кефаллении славу.

В то время когда он приехал в Амиклы и я впервые с ним встретилась, ему было не больше двадцати пяти лет – а может, и того меньше, если правда, что мудрость обладает силой старить лица людей.

Они продолжили разговор, возможно позабыв, что я сидела по левую руку от отца и могла подслушивать с совершенно невинным видом. И поскольку с другой стороны от меня сидел Менелай, ничто меня не отвлекало от этого занятия.

– Ты собираешься просить руки Елены, дорогой друг?

Одиссей выглядел так, словно замыслил шалость.

– Ты видишь меня насквозь, Тиндарей.

– Конечно, вижу, но на что она тебе? Я никогда не думал, что ты падок на красоту, хотя за ней дают и приданое.

Он состроил гримасу:

– Любопытство! Ты забываешь о моем любопытстве! Неужели ты думал, будто я пропущу такое зрелище!

Агамемнон усмехнулся, а отец рассмеялся в голос.

– Зрелище! Что мне делать, Одиссей? Посмотри на них! Сто и один царь и царевич, и все, как один, пьются друг на друга, гадая, кому выпадет удача, – и готовятся оспорить мой выбор, не важно, насколько он логичный и выгодный.

Агамемнон вступил в разговор:

– Это превратилось в состязание. Кто в большей милости у верховного царя Микен и его тестя Тиндарея Лакедемонского? Они знают, что Тиндарей прислушивается к моим советам! Из этого не выйдет ничего, кроме долгой вражды.

– Точно. Взгляните на Филоктета, как гордо он выгибает спину и фыркает. Не говоря уже о Диомеде с Идоменеем. А еще есть Менесфей. И Еврипил. И другие.

– Что же нам делать? – спросил верховный царь.

– Ты просишь моего совета, мой господин?

– Прошу.

Я замерла, начиная понимать, насколько мало я значила. Вдруг мне захотелось плакать. Мой выбор? Нет! Это будет их выбор, Агамемнона и моего отца. Но сейчас моя судьба была в руках Одиссея. Интересовала ли я его? И тут он подмигнул мне. У меня упало сердце. Нет, ему не было до меня дела. В его красивых серых глазах не блеснуло ни искорки желания. Он приехал не для того, чтобы искать моей руки; он приехал, ибо знал, что будет нужен его совет. Он приехал только ради того, чтобы упрочить собственное положение.

– Я, как всегда, рад помочь, чем могу, – без запинки проговорил он, пристально глядя на моего отца. – Однако, Тиндарей, перед тем как мы устроим Елене надежный и выгодный брак, я хотел бы попросить о маленьком одолжении.

Агамемнон выглядел обиженным, хотя представления не имел о том, что он имел в виду, а я про себя гадала, о чем был этот хитроумный торг.

– Ты хочешь получить Елену? – прямо спросил отец.

Одиссей откинул голову и рассмеялся так вызывающе громко, что весь зал на мгновение замер.

– Нет! Нет! Я не посмел бы просить ее руки – с моим-то ничтожным состоянием и жалким царством! Бедная Елена! У меня дух замирает при мысли о том, чтобы запереть такую красавицу на морской скале! Нет, я не хочу в невесты Елену. Я хочу другую.

– А! – Агамемнон расслабился. – Кого?

Одиссей предпочел адресовать ответ моему отцу.

– Дочь твоего брата Икария, Тиндарей, – Пенелопу.

– Не думаю, что он будет возражать, – удивился отец.

– Икарий недолюбливает меня. Кроме того, к Пенелопе сватаются мужи побогаче.

– Я постараюсь помочь, – сказал отец.

– Считаю, дело сделано, – подтвердил Агамемнон.

Какое потрясение! Если им и было понятно, что Одиссей нашел в Пенелопе, то мне уж точно нет. Я хорошо ее знала, она была моей двоюродной сестрой. Вовсе не уродина и вдобавок богатая наследница, но такая скучная. Однажды она поймала меня, когда я позволила одному из придворных целовать свои груди – я ни за что не разрешила бы ему большего! – и прочитала мне нравоучение о том, как неразумно и унижительно потакать желаниям плоти. «Я нашла бы себе лучшее занятие, – изрекла она размеренным и бесстрастным голосом, силясь занять мое внимание настоящими женскими занятиями. – Например, ткачество». Я уставилась на нее как на сумасшедшую. Ткачество!

Одиссей заговорил опять, и я оставила мысли о Пенелопе и прислушалась.

– Я догадываюсь, кому ты решил отдать свою дочь, Тиндарей, и понимаю почему. Но не важно, кого ты выберешь. Важно защитить твои с Агамемноном интересы, обезопасить свои отношения с сотней отвергнутых женихов после того, как ты объявишь о своем выборе. Я могу это устроить. Если ты сделаешь все точно, как я скажу.

Агамемнон тут же ответил:

– Мы сделаем.

– Тогда для начала нужно вернуть все дары, поднесенные женихами, сопроводив возврат любезной благодарностью за достойные намерения. Никто не должен считать тебя жадным, Тиндарей.

Отец выглядел раздосадованным.

– Это правда необходимо?

– Не просто необходимо – крайне важно!

– Дары будут возвращены, – сказал Агамемнон.

– Хорошо. – Одиссей наклонился вперед в своем кресле, оба царя последовали его примеру. – Ты объявишь о своем выборе ночью, в тронном зале. Я хочу, чтобы там был полумрак, как в святилище, поэтому ночью будет в самый раз. Созови всех жрецов. Пусть обильно воскурят благовония. Моя цель – подавить дух женихов, а этого можно добиться только с помощью ритуала. Ты не можешь позволить, чтобы имя твоего избранника приветствовали гневные возгласы готовых ринуться в драку воинов.

– Как скажешь, – вздохнул отец, поскольку терпеть не мог вдаваться в подробности.

– Это, Тиндарей, только начало. Когда ты начнешь свою речь, ты напоешь женихам, как дорога тебе твоя драгоценная дочь и как горячо ты молился богам, прося их совета. Твой выбор, скажешь ты, был одобрен Олимпом. Предзнаменования благоприятны и предсказания оракулов несомненны. Но всемогущий Зевс потребовал соблюсти условие. А именно: до того как все узнают имя счастливого победителя, каждый жених должен обещать поддержать твоего избранника. И это еще не все. Каждый жених должен будет поклясться, что обеспечит мужу Елены помощь и взаимодействие. Каждый муж должен дать клятву, что благоденствие супруга Елены дорого ему так же, как дороги боги. И если будет нужно, каждый муж вступит в войну, чтобы защитить права и привилегии ее супруга.

Агамемнон сидел, молча уставившись в пространство, и жевал губами – было ясно, что внутри у него бушует пламя. Отец был просто ошеломлен. Одиссей откинулся назад, лениво смакуя куриную ножку, явно довольный собой. Внезапно Агамемнон повернулся к нему и схватил за плечи такой железной хваткой, что побелели костяшки пальцев, лицо у него было свирепым. Одиссей посмотрел на него безмятежным взглядом, без капли страха.

– Великая мать Кибела! Одиссей, ты – гений! – Верховный царь повернулся и взглянул на отца. – Тиндарей, ты понимаешь, что это значит? Тому, кто женится на Елене, гарантированы постоянные, нерушимые союзнические отношения почти с каждым народом Эллады! Его будущее будет обеспечено, его положение упрочится в тысячу раз!

Отец, несмотря на явное облегчение, поморщился:

– Какую клятву я могу заставить их принести? Какая клятва настолько страшна, чтобы заставить их выполнить то, что им ненавистно?

– Есть только одна такая, – медленно проговорил Агамемнон. – Клятва на четвертованной лошади. Именем Зевса Громовержца, Посейдона, колебателя земли, и дочерей Коры, водами Стикса и тенями умерших.

Слова его упали, как капли крови с головы горгоны Медузы; отец содрогнулся и уронил голову на руки, спрятав лицо в ладонях.

Одиссей, судя по всему ничуть не растроганный, резко сменил тему разговора, беззаботным тоном спросив у Агамемнона:

– Что будет с Геллеспонтом?

Верховный царь поморщился:

– Не знаю. Троянский царь Приам совсем выжил из ума! Неужели он не видит выгоду, которую получил бы, пустив купцов из Эллады в Понт Эвксинский?

– Думаю, – сказал Одиссей, принимаясь за медовый пирог, – Приаму очень выгодно не пускать туда купцов. Он все равно жиреет на пошлинах за проход через Геллеспонт. И у него есть договоренности с царями Малой Азии, и, вне всякого сомнения, он получает часть той непомерной цены, которую вынуждены платить ахейцы за олово и медь, покупая их в Малой Азии. Выдворение ахейских купцов из Понта Эвксинского означает больше денег для Трои, а не меньше.

– Теламон оказал нам дурную услугу, когда похитил Гесиону, – гневно заявил отец. Агамемнон покачал головой.

– Теламон имел на это право. Геракл всего лишь просил заплатить то, что ему причиталось за великую службу. А этот жалкий старый скупец Лаомедонт отказал ему – безмозглый идиот мог бы знать, что из этого выйдет.

– Геракл мертв уже двадцать лет, если не больше, – сказал Одиссей, разбавляя вино водой. – Тесей тоже умер. Остался лишь Теламон. Он никогда бы не согласился расстаться с Гесионкой, даже если бы та сама этого пожелала. Похищение и изнасилование – старые сказки, – мягко продолжал он, очевидно не слышав ни слова про Елену и Тесея, – и они имеют очень мало отношения к стратегии. Эллада на подъеме. Малая Азия это знает. Так есть ли лучшая стратегия для Трои и остальных, чем отказывать Элладе в том, в чем она нуждается больше всего, – в олове и меди, чтобы плавить бронзу?

– Верно, – согласился Агамемнон, потянув себя за бороду. – Так чем же закончится торговый запрет Трои?

– Войной, – спокойно ответил Одиссей. – Рано или поздно войне быть. Когда нас прижмут окончательно, когда наши купцы завопят о справедливости у каждого трона между Кноссом и Иолком, когда мы больше не сможем наскрести достаточно олова для того, чтобы плавить из меди бронзу на мечи, щиты и головки стрел, – тогда быть войне.

Их разговор стал еще скучнее; он меня больше не занимал. Кроме того, меня тошнило от Менелая. Я выскользнула из-за стола, тихонько шмыгнула в дверь за креслом отца и побежала по коридору, идущему параллельно трапезной, отчаянно желая, чтобы на мне было что-нибудь более тихое, чем звенящая юбка. Лестница на женскую половину находилась в дальнем конце, где коридор расходился и вел к другим комнатам. Я достигла ее и побежала вверх, никто меня не звал. Теперь мне нужно было только проскочить мимо покоев матери. Склонив голову, я потянула за штору.

Меня остановили руки, сомкнувшиеся в замок на талии, и мой крик о помощи был тут же заглушен. Диомед! С бьющимся сердцем я уставилась на него. До этого момента у меня не было возможности ни оказаться с ним наедине, ни поговорить.

Свет лампы отражался от его кожи, придавая ей сходство с полированным янтарем, на шее билась жилка. Я позволила себе взглянуть на него в упор и почувствовала, что он убрал руку с моего рта. Как же он красив! Как же я любила красоту! И больше всего – в мужчине.

– Приходи в сад, – прошептал он.

Я отчаянно замотала головой:

– Ты сошел с ума! Отпусти меня, и я никому не скажу, что встретила тебя у покоев своей матери! Отпусти!

Сверкнув белыми зубами, он тихо рассмеялся:

– Я не сдвинусь с места, пока ты не пообещаешь прийти в сад. Они пробудут в трапезной еще долго – и никто не будет искать ни тебя, ни меня. Девочка, я хочу тебя! Мне плевать, что они решат и когда, я хочу тебя, и я тебя получу.

Моя голова все еще кружилась от жары в трапезной; я приложила к ней руку. И потом, словно независимо от меня, по своей собственной воле, моя голова согласно кивнула. Диомед тут же отпустил меня. Я помчалась в свои покои.

Неста ждала меня, чтобы раздеть.

– Ступай спать, старуха! Я разденусь сама.

Привыкнув к моим капризам, она с радостью повиновалась, предоставив мне самой дрожащими пальцами развязывать шнуровку, срывать корсаж и тунику, выпутываться из юбки. Я сбросила бубенчики, браслеты и кольца, отыскала свою льняную хламиду и завернулась в нее, потом выбежала в коридор, спустилась вниз по темной лестнице навстречу ночному воздуху. Он сказал «в сад»; улыбаясь, я направилась к грядкам с капустой и кореньями. Кому придет в голову искать нас среди овощей?

Совершенно нагой, Диомед ждал меня под лавровым деревом. Хламида упала у меня с плеч – я была еще далеко, и он мог рассмотреть меня всю, освещенную лунным светом. Он тут же оказался рядом, расстелил для нашего ложа мою одежду и прижал меня собой к матери земле, которая дает силу женам и отнимает ее у мужей. Так устроили боги.

– Только пальцами и языком, Диомед, – прошептала я. – Я взойду на брачное ложе с нетронутой плевой.

Он спрятал свой смех меж моих грудей.

– Это Тесей научил тебя, как остаться девственницей?

– Для этого не нужен учитель. – Я вздохнула, глядя его руки и плечи. – Мне мало лет, но я знаю, что заплачу головой, если подарю свою девственность кому-нибудь, кроме супруга.

Я думаю, когда он ушел, он был удовлетворен, пусть и не совсем так, как ожидал. Поскольку любовь его была неподдельной, он согласился на мои условия, так же как в свое время сделал Тесей. Не то чтобы меня очень заботили чувства Диомеда, главное – я была удовлетворена.

И это было заметно на следующую ночь, когда я сидела подле отцовского трона, если бы только чьи-то глаза дали себе труд это заметить. Диомед сидел вместе с Филоктетом и Одиссеем в толпе, слишком далеко, чтобы я могла прочесть что-нибудь на его лице, особенно в таком тусклом свете. Зал, расписанный яркими фресками танцующих воинов и багрово-красными колоннами, утонул во мгле и наполнился мерцающими тенями. Вошли жрецы, вверх поплыли плотные, душные клубы благовоний, и по мановению ока в зале воцарилась торжественная, тягостная тишина гробницы.

Я слышала, как отец говорит слова, заготовленные Одиссеем; казалось, подавленность собравшихся можно было потрогать рукой. Потом привели жертвенного коня – прекрасного белого жеребца с розовыми глазами, без единого черного волоска; его копыта скользили по плиткам пола, голова покачивалась из стороны в сторону в золотой узде. Агамемнон взмахнул огромной двуглавой секирой. Медленно-медленно конь упал наземь, грива и хвост плыли по воздуху, словно ключья водорослей в водном потоке, фонтаном хлынула кровь.

Пока отец говорил собравшимся, какой клятвы он от них требует, я с отвращением и ужасом смотрела, как жрецы разрубают прекрасное животное на четыре части. Мне никогда не забыть это зрелище: женихи, стараясь сохранить равновесие, один за другим встают обеими ногами на четыре куса мягкой плоти, принося ужасную клятву верности и преданности моему будущему супругу. Голоса были глухими и апатичными, ибо сила и мужество уступили место покорному благоговению. Бледные, покрытые испариной лица всплывали и меркли, подобно луне, в неверном свете факела, откуда-то дул ветер, завывая, как заплутавшая в Аиде тень.

Наконец все закончилось. Лошадиный труп лежал, оставленный без внимания, женихи, занявшие свои места, смотрели на царя Лакедемона Тиндарея, словно в дурмане.

– Я отдаю дочь Менелаю, – произнес отец.

Раздался громкий вздох, и ничего больше. Ни один не выкрикнул ни слова протеста. Никто не вскочил на ноги в гневе, даже Диомед. Мои глаза нашли его взгляд, пока слуги зажигали светильники; мы попрощались друг с другом поверх сотни голов, зная, что проиграли.

Думаю, слезы катились у меня по щекам, когда я смотрела на него, но никто их не заметил. Я вложила свою безвольную руку во влажную ладонь Менелая.

Глава пятая (рассказанная Парисом)

Я вернулся в Трою пешком, в одиночестве, с луком и колчаном стрел за плечами. Семь лун провел я среди лесов и полян Иды, но не мог похвастаться ни одним трофеем. При всей любви к охоте я никогда не мог спокойно смотреть, как спотыкается пронзенное стрелой животное, – мне было куда приятнее видеть его таким же здоровым и свободным, каким был я сам. Мои лучшие охотничьи трофеи были добычей куда желаннее оленя или вепря. Для меня не было большего развлечения, чем преследовать тех обитательниц лесов Иды, которые имели человеческий облик, – селянок и пастушек. Когда девушка падала на землю побежденная, ее не ранила никакая стрела, кроме стрел Эрота; не было ни потоков крови, ни предсмертных стонов, только вздох сладострастного удовольствия, когда она оказывалась у меня в руках, задыхающаяся от восторга погони, готовая задохнуться от другого восторга.

Обычно я проводил на Иде всю весну и лето, жизнь при дворе сводила меня с ума своей скукой. Как же я ненавидел эти кедровые балки, натертые маслом и отполированные до темно-коричневого блеска, эти расписанные красками каменные залы и колонны башен! Запертый внутри этих гигантских стен, я задыхался, словно узник. Все, чего мне хотелось, – это бегать по просторам лугов и лесов, падать в изнеможении на подушку из сладко пахнувшей опавшей листвы. Но каждую осень я должен был возвращаться в Трою и проводить зиму с отцом. Это был мой долг, хотя и не имевший большого значения. В конце концов, я был всего лишь четвертым сыном. Никто не принимал меня всерьез, и меня это устраивало.

Я вошел в тронный зал под конец собрания в ветреный хмурый день, не сменив горных одежд и не обращая внимания на снисходительные улыбки одних и неодобрительно поджатые губы других. Сумерки уже сменяла ночная мгла, совет затянулся.

Мой отец, царь, сидел на украшенном золотом и слоновой костью троне, поставленном на высокий постамент из пурпурного мрамора в дальнем конце зала, его длинные белые волосы были искусно завиты, огромная белая борода перевита золотыми и серебряными нитями. Безмерно гордый своими годами, он больше всего любил сидеть, словно древний бог, на пьедестале, взирая с его высоты на все, чем владел.

Если бы зал не производил такого сильного впечатления, представление, устроенное отцом, не казалось бы таким грандиозным. Но он был, по слухам, больше и величественнее, чем старинный тронный зал в Кносском дворце на Крите, и достаточно просторным, чтобы вместить триста человек и не казаться переполненным. Между кедровыми балками высокого потолка синее небесная лазурь, расцветенная золотыми созвездиями. Потолок подпирают массивные колонны, суживающиеся к основанию, темно-синие или пурпурные, с простыми круглыми капителями и плинтами, покрытыми позолотой. Стены до высоты человеческого роста выложены пурпурным мрамором без рельефов, а выше расписаны фресками: сценами охоты на львов, леопардов, медведей, волков – черно-белыми, желтыми, малиновыми, коричневыми и розовыми на бледно-голубом фоне. Позади трона стоял резной экран из египетского черного дерева, инкрустированный золотыми узорами; ведущие к помосту ступени тоже были отделаны золотом.

Я снял лук с колчаном, отдал их рабу и, лавируя между кучками придворных, пробрался к трону. Увидев меня, царь наклонился вперед, чтобы легко прикоснуться к моей склоненной голове изумрудным набалдашником скипетра из слоновой кости, – знак того, что я могу встать и подняться к нему. Я поцеловал его в увядшую щеку.

– Я рад, что ты вернулся, сын.

– Я бы тоже хотел сказать, что рад вернуться, отец.

Подтолкнув меня вниз, чтобы сел у его ног, он вздохнул:

– Я всегда надеялся, что на этот раз ты останешься, Парис. Что мне сделать для тебя, чтобы ты остался?

Я протянул руку, чтобы погладить его бороду: ему это нравилось.

– Мне не нужна царская работа, мой господин.

– Но ты царевич! – Он снова вздохнул и слегка качнулся вперед. – Впрочем, ты еще очень молод, я знаю. У тебя впереди много времени.

– Нет, мой господин, времени нет. Ты думаешь, будто я все еще мальчик, но я взрослый мужчина. Мне тридцать три.

Мне показалось, он меня не слушал, ибо поднял голову и отвернулся, замахав посохом кому-то в толпе. Гектору.

– Парис утверждает, что ему уже тридцать три года, сын мой! – заявил он, когда Гектор остановился у подножия трех ступеней.

Он был достаточно высок, чтобы даже оттуда смотреть отцу прямо в лицо: их головы были на одном уровне.

Темные глаза Гектора задумчиво меня оглядели.

– По-моему, столько тебе и должно быть, Парис. Я родился на десять лет позже тебя, а мне уже полгода как исполнилось двадцать три. – Он ухмыльнулся. – Однако ты определенно не выглядишь на свой возраст.

Я рассмеялся в ответ:

– Спасибо на добром слове, братец! Уж ты-то точно выглядишь на мой возраст. Ведь ты наследник. Быть наследником старит, это же заботы о государстве, об армии, о короне. Только безответственность дарует вечную молодость!

– Что подходит одному, не обязательно подходит другому, – спокойно ответил он. – Мое пристрастие к женщинам не так велико, так какое мне дело, что я буду выглядеть стариком раньше времени. Пока ты получаешь удовольствие от мимолетных встреч с женщинами, я получаю свое, когда веду войска на маневры. И пусть мое лицо покрывается ранними морщинами, мое тело останется молодым и стройным еще долго после того, как твое украсится жирным брюхом.

Я поморщился. Гектор умеет ударить по больному месту! Он угадывал роковую слабость в мгновение ока и мог броситься в атаку, как лев. И он никогда не боялся выпустить когти. Титул наследного царевича заставил его возмужать. Не было другого юноши, неоспоримые силы которого нашли бы себе более надежное и полезное применение. И он был достаточно могуч, чтобы справиться с ними. Я был далеко не слабак, но Гектор превосходил меня ростом и статью раза в два. Одевался он очень просто, но с неким притягательным достоинством: в кожаную юбку и короткую эксомиду, его длинные черные волосы были заплетены в косички, стянутые сзади в аккуратный хвост. Все сыновья Приама и Гекабы славились красотой, но Гектору досталось больше – прирожденная властность.

Внезапно меня рывком подняли на ноги и оттащили от отцовского трона – старик Антенор сварливо изъявил желание побеседовать с царем до роспуска совета. Мы с Гектором, не прощаясь, поспешили прочь из тронного зала, и никто не позвал нас обратно.

– У меня есть для тебя сюрприз, – с затаенным удовольствием в голосе произнес мой младший брат, когда мы шли по бесконечным переходам, соединявшим пристройки и малые дворцы, составлявшие внутреннюю крепость.

Дворец наследника находился по соседству с дворцом отца, поэтому прогулка не затянулась. Когда он провел меня в свою огромную гостиную, я замер на пороге от изумления.

– Гектор! Где она?

То, что прежде было складом, заваленным копьями, щитами, доспехами и мечами, сейчас превратилось в комнату. Там не осталось даже запаха лошадиного пота, хотя Гектор обожал

лошадей. Не помню, видел ли я когда-нибудь эти стены достаточно открытыми для того, чтобы понять, как они расписаны, но сегодня вечером на них сияли нефритово-зеленые с голубым изогнутые деревья и пурпурные цветы, среди которых резвились черные и белые кони. Пол был таким чистым, что в его черно-белых мраморных плитах отражался свет. Треножки и прочая утварь были отполированы до блеска, над дверными проемами и на окнах висели на золотых кольцах красиво вышитые пурпурные занавеси.

– Где она? – снова спросил я.

Он покраснел и проворчал:

– Сейчас придет.

Она вошла, едва успело замереть эхо от его слов. Оглядев ее с головы до ног, я должен был признать, что у него хороший вкус, ибо она была на редкость красива. Такая же смуглая, как и он, высокая и крепкая. И такая же неловкая в общении: едва взглянув на меня, она сразу отвела глаза в сторону.

– Это моя жена, Андромаха.

Я поцеловал ее в щеку.

– Одобряю, братец, одобряю! Но она родом определенно не из наших краев.

– Она – дочь царя Киликии Этиона. Я был там весной по делам отца и привез ее с собой.

Это не было запланировано, но, – он вздохнул, – так случилось.

Наконец она застенчиво спросила:

– Гектор, кто это?

Звук шлепка, которым Гектор в досаде ударил себя по бедру, заставил меня подпрыгнуть.

– О, когда же я научусь вежливости? Это Парис.

На мгновение в ее глазах сверкнуло что-то такое, что мне не понравилось. Возможно, когда эта девушка привыкнет здесь жить и освоится, она обретет силу, с которой придется считаться.

– Моя Андромаха очень храбрая, – гордо заявил Гектор, обняв ее рукой за талию. – Она поехала со мной в Трою, оставив дом и семью.

– Несомненно, – вежливо ответил я и откланялся.

Вскоре я привык к монотонному ритму жизни в стенах внутренней крепости. Пока дождь со снегом выстукивал дробь по ставням из панциря черепахи, или ливень катился водопадом по стенам, или снег покрывал ковром внутренние дворы, я рыскал среди дворцовых женщин в поисках той, которая пробудила бы мой интерес, была бы хоть на одну десятую так же желанна, как последняя из пастушек Иды. Нудное занятие, не требующее усилий ни умственных, ни физических. Гектор был прав. Если я не найду иной способ поддерживать форму, кроме как тайком сновать взад и вперед по запретным коридорам, у меня вырастет брюхо.

Через четыре луны после моего возвращения в мои покои вошел Гелен и уютно устроился на выложенной подушками скамье у окна. День был чудесный, довольно теплый для разнообразия, и из моих окон открывался прекрасный вид на нижний город, порт у Сигейского мыса и остров Тенедос.

– Мне хотелось бы иметь на отца такое же влияние, как и ты, Парис.

– Ну, ты еще довольно молод, хоть и царевич. Влияние приходит с годами.

Он был еще безбородым юношей, очень красивым, черноволосым и черноглазым, как и все мы, дети Гекабы, называвшие себя царевичами. Один из близнецов, он возбуждал любопытство; о нем и его второй половине, Кассандре, говорили очень странные вещи. Им было по семнадцать лет от роду, и это делало его слишком юным для того, чтобы между нами могла развиться настоящая братская близость. Кроме того, они с Кассандрой были наделены даром ясновидения. В них было что-то, от чего другим, даже их братьям и сестрам, становилось не

по себе. Оно проявлялось в Гелене меньше, чем в Кассандре, – и тем лучше было для Гелена. Кассандра была сумасшедшей.

Младенцами они были посвящены Аполлону, и если кто-то из них и противился такому решению собственной судьбы, то противился молча. По закону, установленному царем Дарданом, оракулы Трои должны были исходить из уст сына и дочери царя и царицы, предпочтительно близнецов, поэтому у Гелена и Кассандры не было выбора. В то время они еще пользовались относительной свободой, но после своего двадцатилетия они должны будут поступить в полное распоряжение трио, которое заправляло поклонением Аполлону в Трое: Калханту, Лаокоону и жене Антенора, Феано.

На Гелене был длинный струящийся хитон, какой обычно носили жрецы. Его мечтательного выражения лица и дивной красоты было достаточно, чтобы всецело поглотить мое внимание, пока он сидел у окна, обозревая городские окрестности. Он предпочитал меня всем остальным братьям, будь они сыновьями Гекабы, или другой отцовской жены, или кого-нибудь из наложниц, ибо меня не влекло к войне и убийству. Пусть его суровая аскетическая натура и не могла примириться с моим распутством, беседовать со мной ему нравилось, ведь речи мои были мирными, а не воинственными.

– У меня для тебя послание, – сказал он, не оборачиваясь.

Я вздохнул:

– Что я опять натворил?

– Ничего, что заслужило бы порицания. Мне просто велели передать: тебя ждут на совете сегодня после ужина.

– Не могу. У меня уже есть планы.

– Тебе лучше их отменить. Приглашение от отца.

– Ну надо же! Почему я?

– Понятия не имею. Будет очень мало народу: несколько царевичей, Антенор и Калхант.

– Странное сочетание. Интересно, в чем дело?

– Пойди, и сам узнаешь.

– О, я обязательно пойду! Ты приглашен?

Гелен не ответил. Его лицо перекошилось, в глазах застыло выражение, присущее мистикам, – взгляд был словно обращен внутрь. Мне уже доводилось видеть этот провидческий транс, поэтому я сразу понял, что происходит, и наострил уши. Внезапно он вздрогнул и принял нормальный вид.

– Что ты видел?

– Я не мог рассмотреть, – медленно произнес он, стирая пот со лба. – Образ, я чувствовал образ... Начало великих перемен, которые приведут к неизбежному.

– Ты должен был что-то увидеть, Гелен!

– Языки пламени... Ахейцы в доспехах... Женщина неопишуемой красоты – не иначе как сама Афродита... Корабли – сотни кораблей... Ты, отец, Гектор...

– Я? Но при чем тут я?

– Поверь мне, Парис, все случится из-за тебя, – произнес он усталым голосом и резко встал. – Мне нужно найти Кассандру. Мы часто видим одно и то же, даже если мы не вместе.

Я тоже почувствовал едва уловимое присутствие чего-то мрачного и притягательного и покачал головой.

– Нет. Кассандра все разрушит.

Гелен был прав, когда говорил, что собравшихся будет мало. Придя последним, я занял место в конце скамьи, рядом со своими братьями, Троилом и Илионом. Почему они? Троилу было восемь лет от роду, Илиону – семь. Они были последними детьми моей матери, и оба были названы в честь того, кто отнял трон у царя Дардана. Гектор тоже был там. И наш самый

старший брат Деифоб. По праву титул наследника должен был достаться ему, но все, кто его знал, и отец в том числе, понимали, что спустя год после восшествия на трон он все разрушит. Жадный, беспечный, вспыльчивый, себялюбивый, несдержанный – таков был Деифоб. Как же он нас ненавидел! Особенно Гектора, который узурпировал его законное место, – так он считал.

Участие дяди Антенора было закономерным. В качестве главного судьи он присутствовал на всех советах. Но зачем Калхант? Он всегда выводил меня из равновесия.

Дядя Антенор не сводил с меня глаз, и не потому, что я пришел последним. Два лета назад на Иде я стрелял из лука по мишени, приколотой к дереву, и вдруг, словно ниоткуда, поднялся ветер и отнес мою стрелу далеко в сторону. Я нашел ее в спине младшего сына Антенора от его самой любимой наложницы – бедняга прятался в зарослях, наблюдая за нагой пастушкой, купавшейся в ручье. Он был мертв, а я – виновен в непреднамеренном убийстве. Не совсем преступление, но все же смерть, которую следовало искупить. Единственным способом сделать это было отправиться в дальние страны и найти там царя, который согласился бы провести ритуал очищения. Дядя Антенор не мог требовать мщения, но и простить меня тоже не мог. Это напомнило мне, что я до сих пор не отправился в дальние страны и не нашел великодушного царя. Лишь цари могли совершать ритуал очищения от непреднамеренного убийства.

Отец постучал по полу нижним концом скипетра из слоновой кости, круглый набалдашник которого искрился зелеными вспышками: он был украшен огромным, совершенным по форме изумрудом.

– Я созвал вас, чтобы обсудить то, что не давало мне покоя долгие годы, – произнес он твердым, сильным голосом. – Я говорю об этом сейчас, ибо вдруг осознал, что мой сын Парис родился в этот самый день тридцать три года назад. В день смерти и утраты. Лаомедонт, мой отец, был убит. Вместе с моими четырьмя братьями. Гесиона, моя сестра, была похищена и изнасилована. Лишь рождение Париса помешало тому дню стать самым мрачным в моей жизни.

– Отец, почему ты позвал именно нас? – мягко спросил Гектор.

В последнее время я стал замечать, что он взял на себя обязанность возвращать заплывавшие мысли нашего родителя к предмету разговора, когда тот от него отклонялся, а происходило это все чаще.

– О, разве я вам еще не сказал? Ты здесь потому, что ты наследник трона, Гектор. Деифоб – мой самый старший сын. Гелену предстоит стать хранителем оракулов Трои. Калхант заботится об оракулах до совершеннолетия Гелена. Трои с Илионом здесь потому, что Калхант сказал, что о них есть пророчества. Антенор был там в тот день. И Парис, потому что это был день его рождения.

– А зачем ты позвал нас? – гнул свое Гектор.

– Я намерен послать официальное посольство к Теламону на Саламин, как только моря станут безопасны для плавания, – заявил отец, как мне показалось, вполне логично, хотя Гектор нахмурился, словно ответ встревожил его. – Посол потребует от Теламона вернуть мою сестру в Трою.

Молчание. Антенор встал между моей скамьей и соседней и повернулся к сидящему на троне отцу. Бедняга, его согнуло почти вдвое от тяжелой болезни суставов, которой он страдал с незапамятных времен; все считали, будто именно ее разрушительное действие стало причиной его общеизвестной вспыльчивости.

– Мой господин, это глупая затея, – решительно возразил он. – Зачем тратить на нее троянское золото? Ты знаешь не хуже меня: за все тридцать три года изгнания Гесиона ни разу не выказала сожаления о своей судьбе. Ее сын, Тевкр, хотя и незаконнорожденный, занимает очень высокое положение при саламинском дворе: приходится другом и наставником наследнику саламинского трона Аяксу. В ответ ты получишь «нет», Приам, так к чему все эти хлопоты?

Царь в ярости вскочил на ноги:

– Ты обвиняешь меня в глупости, Антенор? Я впервые слышу, что Гесиона довольна своей участью! Это Теламон запрещает ей просить нас о помощи!

Антенор потряс шишковатым кулаком:

– Сейчас говорю я, мой господин! И настаиваю, чтобы меня выслушали! Почему ты упорно считаешь, будто тогда нам нанесли оскорбление? Это Геракла обидели, и ты это знаешь. А еще я напомню тебе, что, если бы Геракл не убил того льва, Гесиона была бы мертва.

Отец дрожал всем телом. Между ним и Антенором было мало любви, несмотря на то что сестра одного была супругой другого. Антенор оставался сильным духом дарданцем, врагом в собственном доме.

– Если бы мы с тобой были моложе, – отчеканил Приам, – наши постоянные стычки имели бы смысл. Мы положили бы им конец с мечами в руках. Но ты калека, а я слишком стар. Повторяю: я отправлю посольство на Саламин, как только смогу. Ясно?

Антенор фыркнул:

– Ты – царь, мой господин, и решение за тобой. Что же до битвы, можешь сколько угодно называть себя стариком, но как смеешь ты думать, будто мое уродство помешает мне изрубить тебя на куски? Ничто не доставило бы мне большего удовольствия!

Под эхо собственных слов он вышел прочь; отец вернулся на свое место, пожевывая бороду.

Я встал, сам удивляясь своему порыву, но еще больше тому, что сорвалось с моего языка:

– Мой господин, я вызываюсь возглавить твое посольство. Мне все равно нужно отправиться в дальние страны, чтобы очиститься после смерти сына дяди Антенора.

Гектор рассмеялся и захлопал в ладоши:

– Парис, поздравляю тебя!

Но Деифоб нахмурился:

– Почему не я, мой господин? Это должен быть я! По старшинству.

Гелен в споре встал на сторону Деифоба; зная, какое отвращение питает Гелен к старшему брату, я едва мог поверить своим ушам.

– Отец, пошли Деифоба, пожалуйста! Если поедет Парис, я точно знаю: Трои ждут кровавые слезы!

Кровавые слезы или нет, царь Приам принял решение: посольство поручено мне.

После того как все разошлись, я задержался поговорить с ним.

– Парис, я очень рад.

Он погладил меня по волосам.

– Тогда я вознагражден, отец. – Я вдруг рассмеялся. – Если мне не удастся вернуть тетку Гесиону, может быть, я взамен прихвачу какую-нибудь ахейскую царевну.

Посмеиваясь, он раскачивался из стороны в сторону на своем троне; моя шутка ему понравилась.

– В Элладе много царевен, сын мой. Мы бы здорово наступили ахейцам на хвост, если бы расквитались с ними око за око.

Я поцеловал ему руку. Его непреходящая ненависть к Элладе и всему ахейскому была в Трое притчей во языцех; я его осчастливил. Разве важно, что шутка была пустая, раз она заставила его рассмеяться?

Судя по всему, мягкая зима должна была закончиться рано, и я отправился в Сигей, чтобы провести там несколько дней и обсудить состав флота сопровождения с капитанами и купцами, которые отправятся со мной. Я хотел получить двадцать больших кораблей, укомплектованных командой, но с пустыми трюмами. Поскольку моя поездка оплачивалась из царской казны, я знал, что желающих будет хоть отбавляй. Так и не поняв, что за демон побудил

меня предложить свои услуги, я с радостным нетерпением предвкушал грядущее приключение. Скоро мне предстояло увидеть далекие земли, которые не надеялся увидеть ни один троянец: Элладу.

После того как собравшиеся разошлись, я вышел из дома начальника гавани и побрел по берегу, дыша обжигающе холодным воздухом с резким привкусом моря и наблюдая за кипевшей на берегу работой: корабли, вытасканные зимой на гальку, теперь кишели людьми, в чьи обязанности входило осмотреть просмоленные борта и убедиться, что они пригодны для плаванья. Невдалеке от берега маневрировало огромное алое судно. Изогнутый нос корабля венчала фигура – точно, Афродита, моя богиня-покровительница, глаза которой пытались смутить меня своим взглядом. Какому корабельному мастеру явилась она во сне, чтобы он мог так искусно воплотить ее в дереве?

Наконец капитан корабля нашел удобное место, чтобы подойти тяжелым бортом вплотную к галечному берегу; с палубы спустились веревочные лестницы. И тут я заметил, что на корабле развевался царский штандарт, выкрашенный в алый цвет и отороченный тяжелой золотой бахромой, – на его борту был чужеземный царь! Я медленно пошел вперед, укладывая на ходу хламиду в элегантные складки.

Царственная особа спустилась на берег со всей осторожностью. Ахеец. Это было очевидно по тому, как он был одет, по неосознанному превосходству, которое даже последний из ахейцев излучал при встрече с остальными жителями ойкумены. Но по мере того как царь подходил ближе, мое первоначальное благоговение рассеялось. Какой заурядный мужчина! Не слишком высокого роста, не отличающийся красотой, рыжий! Да, определенно это был ахеец. У половины из них были рыжие волосы. На нем была выкрашенная в пурпур кожаная юбка, тисненная золотом, с золотой бахромой по подолу, широкий золотой пояс, инкрустированный драгоценными камнями, пурпурный хитон с широким вырезом, обнажавшим сухощавый торс, вокруг шеи – великолепное ожерелье-ошейник из золота и драгоценных камней. Очень богатый человек.

Увидев меня, он направился в мою сторону.

– Добро пожаловать на берег Трои, царственный господин, – сказал я, соблюдая этикет. – Я – Парис, сын царя Приама.

Его пальцы обхватили мою протянутую для пожатия руку:

– Благодарю тебя, мой господин. Я – Менелай, царь Лакедемона и брат Агамемнона, верховного царя Микен.

Мои глаза расширились.

– Не желаешь ли доехать до города в моей повозке, царь Менелай?

Мой отец ежедневно принимал своих подданных и обсуждал насущные дела. Я шепнул пару слов на ухо привратнику, который тут же вытянулся в струнку, распахнув двустворчатые двери, гаркнул:

– Царь Лакедемона Менелай!

Мы подошли к толпе подданных, неподвижно замерших от неожиданности. Гектор стоял позади, вытянув руку и открыв рот, не успев договорить начатое, Антенор замер вполоборота к нам, отец сидел на троне, прямой как стрела, его рука с такой силой впилась в рукоять посоха, что тот дрожал от передавшегося ему напряжения. Если мой спутник и понял, что ахейцев здесь не ждет теплый прием, то ничем этого не показал. Позднее, лучше его узнав, я решил, что скорее всего он просто ничего не заметил. Его взгляд, скользнув по залу и его убранству, остался равнодушным, и это заставило меня призадуматься о том, каково должно быть убранство дворцов Эллады.

Отец спустился с тронного помоста, протянув руку для приветствия:

– Для нас это большая честь, царь Менелай.

Он взял гостя под руку и указал на большую кушетку, заваленную подушками.

– Не желаешь ли присесть? Парис, сядь с нами, но прежде позови Гектора. И позаботься, чтобы принесли закуски.

Двор затих, глядя во все глаза на царей, но их разговор можно было расслышать не дальше чем в двух шагах от кушетки.

Исполнив долг вежливости, отец заговорил вновь:

– Что привело тебя в Трою, царь Менелай?

– Дело жизненной важности для моего народа в Лакедемоне, царь Приам. Я знаю: того, что ишу, нет в Троянских землях, но Троя оказалась мне лучшим местом, откуда я мог бы начать поиски.

– Продолжай.

Менелай подался вперед и повернулся боком, чтобы заглянуть в лишенное выражения лицо моего отца.

– Мой господин, мое царство поразила чума. Мои жрецы не смогли определить причину этой напасти, поэтому я отправил гонца в Дельфы. Пифия сказала, что я должен лично отправиться на поиски останков сыновей Прометея и привезти их в Амиклы, мою столицу, где их нужно перезахоронить. Тогда чума прекратится.

Ага! Его миссия не имела ничего общего ни с теткой Гесионой, ни с нехваткой олова и меди, ни с торговым запретом Геллеспонта. Она была намного проще. Даже заурядная. Борьба с чумой требовала исключительных мер; то один царь, то другой постоянно странствовали по морям и суше в поисках какого-нибудь предмета, который оракул велел им привезти домой. Иногда я задавался вопросом, не было ли единственной целью оракула отправить царя подальше, пока мор сам собой не пойдет на убыль и не прекратится? Это мог быть способ защитить царя от смерти. Останься дома, он скорее всего умер бы от той же самой чумы или был принесен в жертву.

Конечно же, царь Менелай получит кров. Кто знает: может, на будущий год оракул отправит в путь царя Приама и тому придется просить Менелая о помощи? В определенных случаях царский клан, невзирая на родовые и прочие различия, всегда держался вместе. Поэтому, пока царь Менелай наслаждался радушным приемом, слуги отца были посланы разузнать, где покоятся останки сыновей Прометея. Выяснилось, что в Дардании. Царь дарданский Анхиз ожесточенно протестовал, но напрасно. Нравилось ему или нет, указанные реликвии должны были его покинуть.

Мне было поручено заботиться о Менелее, пока он с помпой не отправится в Лирнесс, чтобы заявить права на останки. Я предложил ему обычную любезность – любую женщину по его выбору, при условии что она не будет царской крови.

Он рассмеялся и решительно замотал головой:

– Мне не нужна другой женщины, кроме моей жены Елены.

Я наострил уши.

– Правда?

Зардевшееся лицо сделало его похожим на пьяного.

– Я женат на самой красивой женщине во всей ойкумене, – торжественно заявил он.

Я старался быть вежливым, но позволил себе проявить недоверие:

– Правда?

– Да, Парис, правда. Елене нет равных.

– Она красивее супруги моего брата Гектора?

– Царевна Андромаха – бледная Селена в сравнении с блеском Гелиоса.

– Продолжай.

Он вздохнул и всплеснул руками:

– Разве можно описать Афродиту? Разве можно словами выразить совершенство? Ступай к моему кораблю, Парис, и посмотри на фигуру, которая вырезана на носу корабля. Это Елена.

Вспоминая, я закрыл глаза, но мне удалось вызвать в памяти только глаза – зеленые, как у египетской кошки.

Я должен был увидеть этот образец совершенства! Не то чтобы я поверил Менелаю. Фигура на носу корабля наверняка превосходила модель. Ни одна статуя Афродиты из тех, которые я видел, не могла сравниться с лицом корабельной фигуры (хотя, сказать по правде, скульпторы зачастую отличались убогим воображением, упорно наделяя свои творения бессмысленными улыбками, напряженным выражением лица и еще более напряженными позами).

– Мой господин! – Я повиновался внезапному импульсу. – Вскоре мне предстоит возглавить посольство на Саламин, чтобы навестить царя Теламона и справиться о благополучии моей тетки Гесионы. Но кроме того, в Элладе мне будет необходимо очиститься от случайно совершенного убийства. Как далеко Саламин от Лакедемона?

– Ну, первый – это остров у берегов Аттики, а второй лежит на землях Пелопа, но расстояние между ними не слишком велико.

– Ты согласишься провести надо мной ритуал очищения, Менелай?

Он просиял.

– Конечно, что за вопрос! Это самое меньшее, чем я могу отплатить за твою доброту, Парис. Приезжай в Лакедемон летом, и я исполню ритуал. – Он светился самодовольством. – Ты усомнился, когда я говорил о красоте Елены, – да, усомнился! Твои глаза тебя выдали. Так приезжай в Амиклы и посмотри на нее сам. А потом я буду ждать извинений.

Мы скрепили наш договор глотком вина, а потом занялись планированием путешествия в Лирнесс, где нам предстояло выкапывать кости сыновей Прометея под негодующими взглядами царя Анхиза и его сына Энея. Так значит, Елена была столь же красива, как Афродита, а? Я задавался вопросом, как отнеслись бы к такому сравнению Анхиз и Эней, вздумай Менелай упомянуть о нем в разговоре, а в том, что он это делает, не было никаких сомнений. Ведь всем было известно: в молодости Анхиз был настолько красив, что сама Афродита занялась с ним любовью. И родила ему Энея. Да уж! Так безумства молодости преследуют нас в старости.

Глава шестая (рассказанная Еленой)

Когда останки сыновей Прометея нашли покой в лакедемонской земле, окруженные драгоценной утварью, а каждый череп прикрыт золотой маской, чума пошла на убыль. Как же хорошо было снова развезжать по городу на колеснице, устраивать охоту в горах, смотреть состязания на спортивной арене позади дворца! И еще приятно было видеть, как лица людей расцветают улыбками, как они благословляют нас, когда мы проходим мимо. Царь усмирил чуму, и все снова пошло на лад.

Только не у меня. Менелай жил с тенью. С годами я становилась все спокойнее и степеннее – достойной уважения и верной долгу. Я родила Менелаю двух дочерей и сына. Он спал в моей постели каждую ночь. Я никогда не отказывала ему, когда он стучал в мою дверь. И он любил меня. В его глазах я была непогрешима. Ради этого я и оставалась достойной уважения и верной долгу женой – я не могла устоять, когда мне поклонялись словно богине. Была еще одна причина: мне нравилось носить голову на плечах.

Если бы только мне удалось заставить свое тело остаться холодным и безучастным, когда он пришел ко мне в ночь после свадьбы! Но я не смогла. Я была создана из плоти, которая отзывалась на ласку каждого мужчины, даже такого заурядного и неумелого, как мой супруг. Лучше такой муж, чем никакого.

Пришло лето, самое жаркое на моей памяти. Дождей не было, ручьи высохли, у алтарей звучало злое бормотание жрецов. Мы пережили чуму; неужто теперь черед голода? Дважды я чувствовала, как Посейдон, колыбель земли, стонет и ворочает земные внутренности, словно тоже потерял покой. Когда пшеница упала бесплодной на иссохшую землю и стало ясно, что ячмень, хотя и более стойкий, вот-вот последует ее примеру, народ зашептался о предзнаменованиях, жрецы заголосили громче.

Но когда жестокая жара достигла своего пика, слово взял соболебровый Громовержец. Выбрав безветренный, душный день, он отправил к нам своих вестников – грозные тучи, нагромождая их все выше и выше в раскаленном добела небе. После полудня солнце погасло, сгустилась тьма, и наконец Зевс прорвал черную пелену. С оглушительным ревом швырял он стрелы-молнии в землю так свирепо, что великая мать содрогалась в конвульсиях, с каждой новой стрелой из его грозной длани вырывался сноп яркого пламени.

Дрожа от ужаса, покрываясь потом и лепеча молитвы, я съехала на кушетке в комнатке рядом с общими покоями и заткнула уши, пока снаружи рокотал гром и неистовствовали белые вспышки молний. Менелай, Менелай, где ты?

Потом до меня донесся его голос, необычно оживленный, говоривший с кем-то, чье ахейское наречие было ломаным и шепелявым, – с чужеземцем. Метнувшись к двери, я помчалась в свои покои, не желая навлечь на себя гнев, – подобно остальным дворцовым женщинам, в жару я надевала только хитон из прозрачного египетского льна.

Перед самым ужином Менелай вошел ко мне, чтобы понаблюдать, как я принимаю ванну. Он никогда не пытался прикоснуться ко мне в этот момент – для него это была возможность просто смотреть, ничего не делая.

– Дорогая, – произнес он, прокашлявшись, – у нас гость. Не могла бы ты сегодня вечером надеть парадные одежды?

Я с удивлением уставилась на него:

– Такой важный гость?

– Очень важный. Мой друг, троянский царевич Парис.

– О да. Понимаю.

– Ты должна выглядеть как можно лучше, Елена, ибо в Трое я хвастался ему твоей красотой. Он не поверил.

С улыбкой я перевернулась на спину, расплескивая вокруг воду.

– Я буду хороша, как никогда, муж мой. Обещаю.

Несомненно, так оно и было, когда я вошла в трапезную незадолго до того, как там собрался весь двор, чтобы последний раз за день вкусить пищу в присутствии царя и царицы. Менелай был уже там: беседовал с гостем, стоя у высокого стола. Мужчина стоял ко мне спиной. Могучей спиной. Он был намного выше Менелая, с гривой густых вьющихся черных волос, спадавших ниже лопаток, нагой выше пояса, на критский манер. На плечах у него лежало большое золотое ожерелье из драгоценных камней, мощные запястья перехвачены браслетами из золота и горного хрусталя. Я смотрела на его пурпурный пояс с птеригами, на его стройные ноги и чувствовала, как во мне просыпается возбуждение, какого я не испытывала уже много лет. Со спины он был красавцем, но я тут же усмехнулась про себя, подумав, что его лицо вполне может быть похоже на лошадиную морду.

Я провела рукой по фалдам юбки, отчего она зазвенела, заставив обоих мужей обернуться. Один взгляд на гостя – и я влюбилась. Это было так легко, так просто. Я влюбилась. Если я воплощала женское совершенство, то он, несомненно, воплощал совершенство мужское. Я уставилась на него с самым глупым видом. Ни одного изъяна. Абсолютная безупречность. И я влюбилась.

– Дорогая, – ко мне подошел Менелай, – это царевич Парис. Мы должны проявить к нему всю нашу любезность и внимание – он отлично принимал меня в Трое.

Он посмотрел на Париса, вопросительно подняв брови.

– Ну, друг мой, ты все еще сомневаешься?

– Нет, – ответил Парис. И еще раз добавил: – Нет.

Менелай просиял – его сюрприз удался.

Каким кошмаром был для меня тот ужин! Вино текло рекой, хотя я (как и любая женщина) не могла принять участия в возлияниях. Но какой бог-озорник заставил Менелая жадно лакать из кубка, позабыв о привычной воздержанности? Между нами посадили Париса, а значит, я не могла подобраться к супругу и осторожно разлучить его с кубком. Вдобавок троянский царевич вел себя вовсе не осмотрительно. Влечение мелькнуло в его глазах, стоило ему бросить на меня взгляд, но многие мужи откликнулись на мою красоту так же, а потом робели. Но не Парис. На протяжении всего ужина он делал мне самые возмутительные комплименты, совершенно не обращая внимания на то, что мы сидели на возвышении, под пристальными взорами сотни придворных – жен и мужей.

Теряя голову от страха и отчаяния, я пыталась заставить наблюдателей (большая половина которых были доносчиками Агамемнона) поверить, что ничего плохого не происходит. Желая прослыть вежливой и остроумной, я спрашивала Париса, каково это – жить в Трое, правда ли, что все народы Малой Азии говорят на ахейском наречии, как далеко от Трои до Ассирии и Вавилона, говорят ли там на ахейском наречии тоже.

Умея общаться с женщинами, он отвечал легко и со знанием дела, пока его нечестивый взгляд неторопливо странствовал от моих губ к волосам, от кончиков пальцев к груди.

Бесконечная трапеза продолжалась, и Менелай все больше глотал слова и, казалось, был не способен видеть что-то еще, кроме налитого до краев кубка. Парис же осмелел еще больше. Он наклонился ко мне так близко, что я почувствовала его дыхание у себя на плече, ощутила его свежесть. Я отодвинулась, раз, другой, третий – пока не оказалась на самом краю скамьи.

– Как жестоки боги! – прошептал он. – Отдать такую красоту одному мужчине.

– Мой господин, думай что говоришь! Умоляю, будь осторожен!

Вместо ответа он улыбнулся. Ссутулившись, чтобы спрятать грудь, я сжала колени вместе – меня внезапно бросило в жар.

– Я видел тебя сегодня, – продолжал он, словно я ничего ему не сказала, – когда ты убежала от нас в своем прозрачном хитоне.

Зардевшись полыхнувшим под кожей пламенем, я молилась, чтобы никто в зале ничего не заметил. Его рука упала вниз и нашла мою. Я подскочила, не в силах вынести это прикосновение, пронзенная чувством сродни тому, которое испытала во время недавнего неистовства Громовержца.

– Мой господин, пожалуйста! Мой супруг тебя услышит!

Он рассмеялся и положил руку на стол, но так резко, что задел локтем кубок; красное вино озером растеклось по светлому дереву. Пока я подзывала слугу вытереть стол, он снова наклонился ко мне:

– Елена, я люблю тебя.

Мне было интересно, слышали ли это слуги. Почему их лица всегда такие безучастные, когда они прислуживают тем, кому в жизни повезло больше? Я взглянула на Менелая; тот сидел, сонно уставившись в пространство, совсем захмелевший.

Слишком захмелевший, чтобы прийти ко мне этой ночью. Его люди отнесли Менелая в его покои, предоставив мне возвращаться в свои в одиночестве. Долго сидела я на подоконнике в своей гостиной, погружившись в раздумья. Что делать? Как выдержать следующие несколько дней, пока этот опасный человек будет здесь? Одна трапеза в его компании, и я погибла. Он преследовал меня, позабыв про страх, считая, будто мой муж слишком глуп, чтобы раскрыть его игру. Но причиной тому было вино, и я знала: на завтрашний ужин Менелай придет в трезвом рассудке. Даже самый глупый из мужей не до конца лишен бдительности; кроме того, кто-нибудь из придворных обязательно ему скажет. Агамемнон платил им, чтобы они замечали все. Стоит хоть одному из них заподозрить меня в неверности, как не пройдет и дня, это дойдет до Агамемнона. Троянский он царевич или нет, Парис лишится головы. И я тоже. И я тоже!

Я терзалась, разрываемая страхом и любовным томлением. О, как я его любила! Но что это за любовь, которая пришла так внезапно, без предупреждения? С похотью я могла справиться – мой брак научил меня этому. Но любовь была неодолима. Я жаждала быть с Парисом. Я жаждала прожить с ним жизнь. Мне хотелось знать, о чем он думает, чем живет, что чувствует, как выглядит, когда спит. Меня пронзила стрела, та самая, которая заставила Федру покончить с собой, Данаю – войти в ящик, который ее отец сбросил в море, Орфея – бесстрашно отправиться в царство Аида в поисках Эвридики. Я больше не была хозяйкой своей жизни, она принадлежала Парису. Я бы умерла за него! Только... Каким восторгом было бы жить для него!

Через несколько мгновений после того, как я устало прилегла на ложе под хрипкое кукареканье петухов – восточная кромка неба уже светлела в предрассветной дымке, – ко мне в спальню вошел Менелай. Он был робок и отказался поцеловать меня.

– От меня разит вином, любимая, тебе будет противно. Странно, что я так много выпил. Не нужно было.

Я взяла его за руку и усадила на ложе.

– Как ты сегодня утром?

Он усмехнулся.

– Не очень. – Веселость пропала, брови нахмурились. – Елена, меня кое-что гложет.

У меня пересохло во рту, я машинально облизала губы. Кто-то сказал ему! Слова! Мне нужно найти слова!

– Гложет? – хрипло выдавила я.

– Да. Меня разбудил посланец с Крита. Умер мой дед Катрей, и Идоменей отложил погребение до приезда моего или Агамемнона. Естественно, ехать придется мне, Агамемнон не может оставить Микены.

Я села на ложе, открыв рот от изумления.

– Менелай! Ты не можешь поехать!

Моя горячность удивила его, но он принял ее за беспокойство.

– Выбора нет, Елена. Я должен ехать на Крит.

– Как долго тебя не будет?

– По меньшей мере полгода. Жаль, что ты так слаба в географии. Туда меня отнесут осенние ветры, но мне придется ждать летних ветров, чтобы вернуться обратно.

– О! – Я вздохнула. – Когда ты едешь?

Он сжал мне руку.

– Сегодня, дорогая. Сначала мне придется заехать в Микены к Агамемнону, а оттуда уже на Крит. И раз я отплыву из Лерны или Навплии, то уже не смогу вернуться сюда. Как жаль, – пробормотал он, наслаждаясь моим испугом.

– Но ты не можешь уехать, Менелай. У тебя гость.

– Парис все поймет. Я исполню ритуал очищения сегодня утром до отъезда в Микены, но позабочусь о том, чтобы он смог гостить у нас сколько пожелает.

Во мне проснулась надежда.

– Возьми его с собой в Микены.

– В самом деле? В такой спешке? Конечно, он должен побывать в Микенах, но на досуге, а не желая угодить хозяину.

Мой глупый супруг не видел опасности, которую представлял этот гость.

– Менелай, ты не можешь оставить меня здесь с Парисом!

Он заморгал:

– Почему? За тобой хорошо присматривают.

– У Агамемнона может быть другое мнение.

Моя рука лежала у него на плече; он наклонился, поцеловал ее, потом погладил меня по голове.

– Елена, не волнуйся. Твоя забота очаровательна, но она ни к чему. Я тебе доверяю. Агамемнон тебе доверяет.

Как мне было объяснить ему, что я сама не доверяю себе!

После полудня я стояла у подножия дворцовой лестницы, прощаясь с супругом. Париса нигде не было.

Как только колесницы с повозками скрылись из виду, я вернулась в свои покои и больше из них не выходила. Еду мне приносили туда. Не видя меня, Парис может устать от своей игры и отправиться в Микены или Трою. К тому же у придворных не будет возможности увидеть нас вместе.

Но когда пришла ночь, мне не спалось. Я бродила по комнате взад и вперед, потом подошла к окну. Амиклы лежали внизу в полной тьме, нигде ни огонька. К звездному небу вздымались громады гор. Полная луна висела в небе, словно огромный серебряный диск, тихо изливая нежный свет на долину Лакедемона. Я в восторге вбирала в себя эту красоту, высунувшись головой из окна, чтобы полнее окунуться в ночное спокойствие. Все еще очарованная этой дивной ночью, я вдруг почувствовала, что он стоит позади меня, любясь красотой гавани через мое плечо. Я не вскрикнула и не обернулась, но он сразу понял, что я знаю о его присутствии. Его руки обхватили мои локти, и он нежно притянул меня к себе.

– Елена Лакедемонская, ты прекрасна, как Афродита.

Ослабев, я слегка потерлась головой о его щеку.

– Не искушай эту богиню, Парис. Она не любит соперниц.

– К тебе это не относится. Разве ты не понимаешь? Афродита подарила тебя мне. Я принадлежу ей, я – ее любимец.

– Поэтому говорят, что ты никогда не зачал ребенка?

– Да.

Его руки гладили мои бедра неторопливо, словно у него была вечность, чтобы заниматься со мной любовью. Его губы нашли мою шею.

– Елена, тебе когда-нибудь хотелось оказаться ночью в глухом лесу? Бежать быстрее оленя? Долго мчаться свободной как ветер и в изнеможении упасть на землю с мужчиной?

Я вздрогнула, горло у меня внезапно пересохло, и хрипло сказала:

– Нет. Я ни о чем таком не мечтала.

– А я мечтал. О тебе. Я вижу, как твои длинные светлые волосы развеваются за спиной, твои стройные ноги стремятся уйти от погони. Именно так я должен был тебя встретить, а не в этом пустом, скучном дворце. – Он снял с меня хитон; его ладони нежно коснулись моей груди. – Ты смыла краску.

Я повернулась к нему и забыла обо всем, кроме того, что мы с ним созданы друг для друга. Я любила его, любила по-настоящему.

Его рабыня, я лежала у него в объятиях, желая отсрочить рассвет, безвольная и мягкая, как кукла моей младшей дочери.

– Поедем со мной в Трою, – внезапно произнес он.

Я приподнялась, чтобы увидеть его лицо, увидеть, как его прекрасные карие глаза возвращают мне мою любовь.

– Это безумие.

– Нет, это здравый смысл. – Одна его рука лежала на моем животе, другая перебирала мои волосы. – Ты принадлежишь не этому бесчувственному чурбану Менелая. Ты принадлежишь мне.

– Я – кровь от крови этой земли, кровь от крови этой самой комнаты. Я – царица. Здесь мои дети.

Я смахнула набежавшие слезы.

– Елена, ты принадлежишь Афродите, так же как и я сам! Я дал ей клятву пожертвовать всем – ради нее пренебрег Герой и Афиной Палладой¹², – если она даст мне то, что я пожелаю. И я попросил тебя.

– Я не могу уехать!

– Ты не можешь остаться здесь. Без меня.

– О, я люблю тебя! Как мне жить без тебя?

– Елена, и речи не может быть, чтобы ты жила без меня.

– Ты просишь невозможного.

По моим щекам градом катились слезы.

– Чушь! Почему это невозможно? Из-за детей?

Я задумалась. И честно ответила:

– Нет. Не из-за них. Дело в том, что они такие невзрачные! Они пошли в Менелая, до кончиков волос. И у них у всех – веснушки!

– Ну, если дело не в детях, тогда в Менелая.

В нем? Нет. Безвольный бедняга Менелай, направляемый железной рукой Микен. Была ли я обязана ему чем-нибудь? Я никогда не хотела выходить за него. Я была обязана ему не

---

¹² Имеется в виду спор между Афродитой, Герой и Афиной Палладой за яблоко с надписью «Прекраснейшей», которое Гермес дал Парису, чтобы тот решил, кто из этих трех богинь достоин его получить. Парис отдал яблоко Афродите.

больше, чем его угрюмому брату, тому страшному человеку, который использовал нас в своей грандиозной игре. Агамемнону не было дела до меня, моих желаний, нужд, чувств.

– Я поеду с тобой в Трою. Ничто не держит меня здесь. Ничто.

Глава седьмая (рассказанная Гектором)

Начальник Сигейской гавани дал мне знать, что флот Париса наконец-то вернулся с Саламина. Придя во дворец, я послал мальчика-слугу сказать об этом моему отцу. Царь принимал своих подданных, разбирая жалобы, склоки из-за имущества, рабов, земель и так далее. Жалобу наших знатных дарданских родственников из Вавилона о праве на выпас скота дядюшка Антенор поставил на первое место.

Жалоба была рассмотрена, жалобщик отпущен, и царь уже собирался рассудить какой-то пустяковый спор, как затрубили горны и в тронный зал гордо вошел Парис. Глядя на него, я не мог сдержать улыбки, настолько по-критски он выглядел. Щеголь с головы до ног – подол пурпурной юбки вышит золотом, много драгоценностей, волосы завиты в кудри. Казалось, он очень доволен собой. Что за шалость была у него на уме, которая заставляла его казаться шакалом, который норовит ухватить добычу раньше льва? Конечно же, отец смотрел на него с нежной заботой. Как мог муж, достаточно мудрый, чтобы сидеть на троне, быть настолько ослеплен человеком, в котором не было ничего, кроме шарма и красоты?

Парис важно прошествовал по залу к трону и уже усаживался на нижнюю ступеньку пьедестала, когда я подошел к отцу. Антенор, любитель совать нос в чужие дела, подобрался поближе, чтобы ему было все слышно. Я открыто встал рядом с тронном.

– Ты привез хорошие новости, сын?

– Про тетку Гесиону – ничего, отец. – Парис тряхнул упругими локонами. – Царь Теламон обошелся со мной очень любезно, но дал ясно понять, что Гесиону не отдаст.

Царь угрожающе напрягся. Насколько глубока была его застарелая ненависть? Почему спустя столько лет отец по-прежнему считал Элладу заклятым врагом? Свист его дыхания заставил умолкнуть весь зал.

– Как он смеет! Как смеет Теламон оскорблять меня? Ты видел свою тетку, говорил с ней?

– Нет, отец.

– Тогда пусть мое проклятие падет на их головы! – Он поднял лицо к потолку и закрыл глаза. – О, могущественный Аполлон, бог света, повелитель солнца, луны и звезд, дай мне возможность низвергнуть ахейскую гордыню!

Я склонился над тронном:

– Мой господин, успокойся! Неужели ты ожидал иного ответа?

Повернув голову, чтобы взглянуть на меня, он открыл глаза.

– Нет, полагаю, нет. Спасибо, Гектор. Ты всегда возвращаешь меня к реальности. Но почему ахейцам дозволено все, скажи мне? Почему им дозволено похищать троянских принцесс?

Парис положил руку отцу на колено и мягко похлопал. Царь посмотрел на него с высоты трона, и лицо его смягчилось.

– Отец, я наказал ахейскую гордыню как подобает, – с блеском в глазах заявил Парис.

Я уже почти готов был отойти в сторону, но что-то в его голосе остановило меня.

– Как, сын мой?

– Око за око, мой господин! Око за око! Ахейцы похитили твою сестру, но я привез из Эллады трофей намного более ценный, чем пятнадцатилетняя девчонка!

Не в силах провести у ног царя Приама ни мгновения больше – настолько его переполняла гордость, – он вскочил на ноги.

– Мой господин, – воскликнул он, и его голос зазвенел, – я привез Елену! Царицу Лакедемона, жену Менелая – брата Агамемнона и сестру супруги Агамемнона, царицы Клитемнестры!

Я пошатнулся от потрясения, потеряв дар речи. И тут произошла трагедия, ибо дядя Антенор воспользовался моим замешательством и получил возможность заговорить первым. Он тут же выпрыгнул вперед, распухшие суставы кистей рук делали их похожими на огромные бесформенные клешни.

– Невежда, жалкий никчемный глупец! – проревел он. – Женоподобный распутник! Почему же ты не провел время с еще большей пользой и не украл саму Клитемнестру? Раз ахейцы безропотно подчиняются нашим торговым запретам и терпят нехватку олова и меди, ты решил, будто они и теперь не станут роптать? Глупец! Теперь у Агамемнона есть предлог, которого он ждал долгие годы! Ты вверг нас в пожар, который погубит Троию! Безмозглый, самодовольный идиот! Почему твой отец покрывал тебя? Почему он не пресек твоё распутство до того, как оно пустило корни? К тому времени как мы пожнем все последствия твоего деяния, не останется ни одного троянца, который упомянул бы твоё имя, не плюнув!

Одна моя половина тихо аплодировала старику: с такой точностью тот выразил мои собственные чувства, – но другая кляла Антенора на чем свет стоит. Каким могло бы быть решение отца, если бы он придержал язык? Если Антенор кого-то ругал, то в противовес ему царь всегда заступался за обиженного. Не важно, что думал отец в глубине души, – Антенор толкнул его на сторону Париса.

Парис стоял словно громом пораженный.

– Отец, я сделал это ради тебя! – воззвал он к Приаму.

Антенор усмехнулся:

– О да, конечно же! И ты забыл про наше самое известное предсказание оракула? «Опасайтесь жены, привезенной из Эллады в Троию в качестве добычи!» Разве это не говорит само за себя?

– Нет, я не забыл его! – воскликнул мой брат. – Елена не добыча! Она пошла со мной по своей воле! Она не жертва похищения, она последовала за мной добровольно, ибо хочет выйти за меня замуж! И в подтверждение этого она привезла с собой великие сокровища – золото и драгоценности, на них можно купить целое царство! Приданое, отец, приданое! – Он глупо рассмеялся. – Я нанес ахейцам намного большее оскорбление, чем если бы просто украл их царицу, – я наставил им рога!

Антенору больше нечего было сказать. Медленно потряхивая копной белых волос, он отступил в толпу придворных. Парис умоляюще посмотрел на меня:

– Гектор, поддержи меня!

– Как я могу это сделать? – процедил я сквозь зубы.

Он повернулся, упал на колени и обеими руками обхватил ноги царя.

– Разве может это грозить бедой, отец? – В его тоне сквозила лесть. – Разве добровольный уход жены когда-нибудь бывал поводом для войны? Елена пошла со мной по собственной доброй воле! И она не юная дева! Ей двадцать лет! Она была замужем шесть лет, у нее есть дети! И ты можешь представить, как ужасна была ее жизнь, если она покинула не только свое царство, но и своих детей! Отец, я люблю ее! И она меня любит! – Его голос трогательно надломился, по щекам потекли слезы.

Царь нежно погладил Париса по волосам.

– Я приму ее.

– Нет, погоди! – Антенор снова выступил вперед. – Мой господин, я настаиваю, чтобы ты выслушал меня до того, как примешь эту женщину! отошли ее домой, Приам, отошли ее домой! отошли ее обратно к Менелая, не взглянув на нее, – с искренними извинениями и советом отделить ее голову от шеи. Она не заслуживает лучшей участи. Любовь! Что это за

любовь, если мать оставляет детей? Неужели для тебя это не знак? Она берет в Троию сокровища, но не своих детей!

Отец не смотрел на него, но он прекрасно понимал, что мы чувствуем, поэтому не пытался прервать эту тираду. И Антенор продолжал:

– Приам, я боюсь верховного царя Микен, и тебе тоже следует! Ты ведь слышал, как в прошлом году Менелай болтал о том, будто Агамемнон превратил всю Элладу в послушного вассала Микен? Что, если он решит воевать? Даже если мы разобьем его, он нас уничтожит. С незапамятных времен богатство Трои росло по одной причине – мы избегали войн. Войны разоряют народы, Приам, – ты сам так говорил! В предсказании оракула сказано, что нас погубит жена из Эллады. И ты хочешь принять ее! Берегись богов! Прислушайся к мудрости их оракулов! Что же такое предсказания оракулов, как не возможность увидеть будущее в мираже времен, данная смертным богами? Ты продолжил дело своего отца, Лаомедонта, и ухудшил все, что можно, – если он всего лишь ограничил ахейским купцам доступ в Понт Эвксинский, то ты закрыл его вовсе. Эллада страдает от нехватки олова! Да, они могут достать медь на Западе – за непомерную цену! – но олова у них нет. Но это не умаляет их богатства и мощи.

Заливаясь слезами, Парис поднял лицо к царю:

– Отец, я же сказал! Елена не добыча! Она пошла со мной по своей воле! Поэтому она не может быть той женщиной из предсказания оракула – не может!

На этот раз я успел опередить Антенора и спустился с постамента, чтобы сказать свое слово.

– Это ты говоришь, будто она пошла с тобой по своей воле, Парис, – но что скажут в Элладе? Ты считаешь, Агамемнон объявит подчиненным ему царям, что его брат – рогоносец, чтобы тот стал всеобщим посмешищем? Только не Агамемнон с его-то гордыней! Нет, Агамемнон скажет всем, что Елену похитили. Антенор прав, отец. Мы на грани войны. И мы не можем считать, будто война с Элладой затронет нас одних. У нас есть союзники, отец! Мы – часть Малой Азии. У нас договоры о торговле и добрососедстве с каждым прибрежным народом между Дарданией и Киликией, а также с внутренними царствами до самой Ассирии, а на севере и до Скифии. Прибрежные земли очень богаты и не особенно густо заселены – у них не хватает воинов, чтобы отразить натиск ахейцев. Они помогают нам, поддерживая наши запреты на торговлю с Элладой, и копят жир, продавая ахейцам олово и медь. Если будет война, ты думаешь, что Агамемнон ограничится Троей? Нет! Война будет повсюду!

Отец неотрывно смотрел на меня; я бесстрашно вернул ему взгляд. Совсем недавно он сказал: «Ты всегда возвращаешь меня к реальности». Но теперь, в отчаянии думал я, он забыл про реальность. Все, чего добились мы с Антенором, так это настроили его против себя.

– Я выслушал достаточно, – ледяным тоном произнес он. – Пошлите за царицей Еленой.

Ожидая, зал застыл в безмолвии, словно гробница. Я бросал на своего брата Париса свирепые взгляды, недоумевая, как мы позволили ему превратиться в такого глупца. Он отвернулся от постамента (одной рукой продолжая поглаживать колено отца) и неотрывно смотрел на двери, изогнув губы в самодовольной усмешке. Очевидно, он считал, что нас ожидает сурприз, и мне припомнилось, как Менелай хвастался, называя свою жену красавицей. Но я всегда был настроен скептически, когда мужи похвалялись красотой своих цариц. Слишком многие из них унаследовали этот эпитет вместе с титулом.

Двери распахнулись – она на мгновение помедлила на пороге, прежде чем двинуться к трону. Ее юбка издавала нежный перезвон в такт шагам, превращая ее в живую мелодию. Я поймал себя на том, что затаил дыхание, и принудил себя выдохнуть. Она действительно была самой красивой женщиной, какую я видел в жизни. Даже Антенор стоял, открыв рот.

Расправив плечи и высокомерно вскинув голову, она шла с достоинством и грацией, без тени стыда или смущения. Она была высокой для женщины и обладала самым прекрасным телом, какое Афродита могла даровать существу женского пола. Тонкая талия, грациозно пока-

чивающиеся бедра, длинные ноги, вскидывающие юбку. Да, в ней все было приятно взору. А ее грудь! Обнаженная по нескромной ахейской моде, высокая и полная, без всяких украшений, разве что соски выкрашены золотом. Немало времени прошло, прежде чем кто-то из нас добрался взглядом до ее лебединой шеи и сияющего лица. Одни совершенства, и как их много! Я вспоминаю, какой увидел ее тогда, – она была просто... прекрасна. Копна волос цвета светлого золота, темные ресницы и брови, глаза цвета весенней травы, подведенные сурьмой на критский или египетский манер.

Что из всего этого было настоящим, а что дорисовано чарами? Этого я никогда не узнаю. Елена – величайшее чудо красоты из всех, подаренных богами матери Земле.

Для моего отца она стала роковой женщиной. Царь был еще не так стар, чтобы забыть прелести женских объятий, и он с первого взгляда воспылал к ней любовью. Или похотью. Но поскольку он все же был слишком стар, чтобы отнять ее у своего сына, он предпочел порадоваться, что его отпрыск смог соблазнить ее, заставить покинуть супруга, детей, свои земли. Преисполненный гордости, он обратил изумленный взор на Париса.

Они, несомненно, были прекрасной парой: он смугл, как Ганимед, она – белокура, словно Артемида Охотница. Так, всего лишь пройдя от дверей до трона, Елена совершенно покорила безмолвный зал. Ни один мужчина из собравшихся в нем больше не мог упрекнуть Париса в глупости.

В тот же момент, как царь распустил собрание, я очень медленно подошел к отцу, намеренно поднявшись на три ступени выше той, на которой стояли беглецы. Я стоял, возвышаясь над отцовским тронном из золота и слоновой кости. Обычно я избегал демонстрировать свое превосходство, но Елена разбудила во мне злость; я хотел, чтобы она поняла, где место Париса, а где – мое.

– Мое дорогое дитя, это Гектор, мой наследник.

Она кивнула, серьезно и царственно.

– Я очень рада знакомству, Гектор. – Ее глаза кокетливо округлились. – Всемогущий Зевс, какой же ты великан!

Это было сказано, чтобы меня раззадорить, а не пробудить желание, – ее вкус явно склонялся к неженкам вроде Париса, а не к огромным воинам вроде меня. Но второе у нее получилось не хуже первого. Я не был уверен, что смог бы перед ней устоять.

– Самый большой в Трое, моя госпожа, – холодно прозвучал мой ответ.

Она рассмеялась:

– Не сомневаюсь.

– Мой господин, – обратился я к отцу, – ты позволишь мне удалиться?

Он проквохтал:

– Ну разве мои сыновья не великолепны, царица Елена? Этот – гордость моего сердца, великий муж! Однажды он станет великим царем.

Задумчиво глядя на меня, она промолчала, но скрытый за ее ослепительными глазами ум наверняка задавался вопросом, возможно ли мой титул наследника передать Парису. Я не стал торопиться с ответом. Пройдет время, и она поймет: Парис никогда не желал взять на себя ни малейшей доли ответственности за что бы то ни было.

Я уже стоял в дверях, когда царь окликнул меня:

– Подожди! Постой! Гектор, пришли ко мне Калханта.

Странное приказание. Зачем царю понадобился этот омерзительный тип, если он не хотел позвать заодно Лаокоона с Феано? В нашем городе поклонялись многим богам, но его покровителем был Аполлон. Этот бог в Трое был особенно чтим, и потому его жрецы – Калхант, Лаокоон и Феано – были самыми могущественными священнослужителями города.

Я нашел Калханта степенно прогуливающимся в тени алтаря, посвященного Зевсу Геркею¹³. Я не стал спрашивать, почему он был там: он был из тех людей, кому никто не осмеливался задавать вопросы. Оставаясь незамеченным, я смотрел на него, пытаясь понять его истинную сущность. На нем был длинный струящийся черный хитон, расшитый серебряной нитью странными знаками и символами; болезненно-белая кожа его совершенно голого черепа матово сияла в лучах заходящего солнца. Когда-то, будучи мальчишкой, падким на шалости, глубоко под землей в дворцовом склепе я обнаружил гнездо белых змей. Однажды повстречавшись с этими лишенными зрения, бледными созданиями Кору, я больше никогда не спускался в склеп. Калхант вызывал во мне такие же чувства.

Говорили, что он избороздил вдоль и поперек всю ойкумену, от Гипербореи до реки Океан, добравшись до земель далеко к востоку от Вавилона и тех, которые лежат намного южнее Эфиопии. Из шумерского Ура он привез манеру одеваться, в Египте был свидетелем ритуалов, передаваемых многими поколениями славных жрецов с начала времен. Шептались, будто он умеет сохранять тело умершего так, что сто лет спустя оно будет выглядеть таким же свежим, как и в день погребения; будто бы он принимал участие в ужасных обрядах черного Сета, а еще – якобы он поцеловал фаллос Осириса, получив величайший дар предвидения. Мне он никогда не нравился.

Я вышел из-за колонн и прошел во внутренний двор. Он знал, кто идет, даже не взглянув на меня.

– Ты искал меня, царевич Гектор?

– Да, великий жрец. Царь ожидает тебя в тронном зале.

– Чтобы побеседовать с женой из Эллады. Я приду.

Я пошел впереди – по праву, – ибо слышал рассказы о жрецах, возмнивших, будто они главнее трона, и не хотел, чтобы подобная надежда зародилась в уме Калханта.

Пока Елена с тревогой и отвращением рассматривала его, он поцеловал отца руку и стал ждать его воли.

– Калхант, мой сын Парис привез невесту. Я хочу, чтобы ты завтра же их поженил.

– Как прикажешь, мой господин.

Царь отпустил Париса с Еленой.

– Теперь ступай и покажи Елене ее новый дом, – сказал он моему глупцу брату.

Они вышли из зала рука об руку. Я отвел взгляд в сторону. Калхант стоял молча, не шевелясь.

– Ты знаешь, кто она, жрец? – спросил отец.

– Да, мой господин. Елена. Женщина, привезенная из Эллады. Я ее ждал.

Он ее ждал? Или его шпионы снова доказали свою старательность?

– Калхант, у меня есть для тебя поручение.

– Да, мой господин.

– Мне нужен совет пифии в Дельфах. Отправляйся туда после свадебной церемонии и выясни, что значит для нас Елена.

– Да, мой господин. Мне выполнить волю пифии?

– Конечно. Ее устами говорит Аполлон.

О чем именно шла речь? Кто кому морочил голову? Обрати в Элладу, чтобы получить ответ. Такое впечатление, будто за ответами всегда возвращались в Элладу. Так какому Аполлону служил Дельфийский оракул: троянскому или ахейскому? А может быть, это были совсем разные боги?

Жрец ушел, и я наконец остался наедине с отцом.

– Ты пожалеешь о том, что сделал, мой господин.

---

¹³ Зевс, покровитель законов гостеприимства.

– Нет, Гектор, я поступил так, как следовало. – Он протянул ко мне руку. – Неужели ты не видишь: ведь я не мог отправить ее назад. Вред уже причинен, причем в тот самый момент, когда она покинула свой дворец в Амиклах.

– Тогда не отправляй ее целиком, отец, а только ее голову.

– Слишком поздно, – ответил он. – Слишком поздно. Слишком поздно...

Глава восьмая (рассказанная Агамемноном)

Моя жена стояла у высокого окна, купаясь в солнечном свете. Он плясал у нее в волосах яркими вспышками кованой меди, такими же жгучими и сверкающими, какой была она сама. Она не обладала красотой Елены, нет, но ее прелести были для меня притягательнее, пробуждая влечение более сильное. Клитемнестра была живым источником силы, а не простым украшением.

Вид из окна не терял для нее привлекательности, может быть, потому, что Микены были расположены очень высоко. Они находились выше всех других крепостей. Внизу виднелась Львиная гора и долина Аргоса, где зеленели хлеба, и наверху был чудесный вид на горные кряжи, на вершинах которых оливковые рощи сменялись густой сосновой порослью.

Снаружи поднялась суматоха; я слышал голоса стражи, убеждавшей кого-то, что царь и царица не желают, чтобы их беспокоили. Нахмурившись, я встал, но не успел сделать и шагу, как дверь распахнулась и в комнату, спотыкаясь, ввалился Менелай. Он направился прямо ко мне, упал на колени, уткнулся головой мне в живот и зарыдал. Я перевел взгляд на Клитемнестру, которая изумленно смотрела на него.

– Что случилось?

Я поднял его с колен и усадил на стул.

Но он продолжал рыдать. Волосы его были спутанными и грязными, одежда в беспорядке, на лице – трехдневная щетина. Клитемнестра протянула ему полный кубок неразбавленного вина. Осушив его, он немного успокоился и прекратил всхлипывать.

– Менелай, что случилось?

– Елены больше нет!

Клитемнестра отпрянула от окна.

– Умерла?

– Нет, ушла! Ушла! Она ушла, Агамемнон! Оставила меня!

Он выпрямился и попытался взять себя в руки.

– Менелай, рассказывай по порядку.

– Три дня назад я вернулся с Крита. Ее нигде не было... Она сбежала, брат, сбежала в Трою с Парисом.

Мы уставились на него, открыв рты от изумления.

– Сбежала в Трою с Парисом, – повторил я, когда ко мне вернулся дар речи.

– Да, да! Опустошила сокровищницу и сбежала!

– Не верю.

– О, а я верю! Глупая похотливая ведьма! – прошипела Клитемнестра. – Чего еще было нам ожидать после того, как она сбежала с Тесеем? Шлюха! Блудница! Безнравственная стерва!

– Придержи язык, жена!

Она оскалила на меня зубы, но повиновалась.

– Когда это случилось, Менелай? Конечно же, не пять лун назад!

– Почти шесть – на следующий день после того, как я отбыл на Крит.

– Это невозможно! Признаюсь, я не заезжал в Амиклы в твое отсутствие, но у меня там есть верные друзья – мне бы сразу же сообщили!

– Она навела на них порчу. Отправилась к оракулу великой матери Кибелы и заставила его сказать, будто я отнял у нее право на лакедемонский трон. Потом заставила мать Кибелу наложить на придворных проклятие. Никто не осмелился ничего сказать.

Я подавил гнев.

– Так значит, Лакедемон по-прежнему во власти матери Кибелы и старых богов, а? Скоро я это исправлю! Сбежала больше пяти лун назад... – Я пожал плечами. – Ну, теперь мы ее уже не вернем.

– Не вернем? – Менелай вскочил и посмотрел мне в глаза. – Не вернем? Агамемнон, ты – верховный царь! Ты должен ее вернуть!

– Она забрала детей? – спросила Клитемнестра.

– Нет, – ответил он, – только сокровища.

– И это показывает, что она ценит выше, – прошипела моя супруга. – Забудь ее! Тебе будет без нее лучше, Менелай.

Он опустился на колени и снова зарыдал:

– Я хочу вернуть ее! Я хочу вернуть ее, Агамемнон! Дай мне армию! Дай мне армию и позволь отплыть к Трое!

– Встань, брат. Возьми себя в руки.

– Дай мне армию! – процедил он сквозь зубы.

Я вздохнул.

– Менелай, это твое личное дело. Я не могу дать тебе армию, чтобы всего-навсего покарать шлюху! Признаю, у каждого ахейца есть повод ненавидеть Троя и троянцев, но ни один из царей не сочтет добровольный побег Елены достаточной причиной, чтобы начать войну.

– Я прошу об армии из твоих войск и моих, Агамемнон!

– Троя разжует их и выплюнет. Говорят, в армии Приама пятьдесят тысяч солдат, – резонно заметил я.

Острый локоть Клитемнестры ткнул меня в ребра.

– Муж, ты забыл про клятву? Подними армию, сославшись на клятву на четвертованном коне! Ее дали сто царей и царевичей.

Я открыл было рот, чтобы сообщить ей, что все женщины – дуры, но закрыл его, так ничего и не сказав. Тронный зал был совсем рядом; я пошел туда, уселся на Львиный трон, положил ладони на вырезанные в форме львиных лап подлокотники и задумался.

Всего лишь накануне я принимал делегацию царей со всей Эллады, которые жаловались, что затянувшийся запрет на вход в воды Геллеспонта довел их до того, что они больше не могут позволить себе покупать олово и медь у народов Малой Азии. Наши запасы этих металлов – особенно олова – окончательно истощились: плуги делались из дерева и костяных ножей. Если ахейцы хотят выжить, то изгнанию их из Понта Эвксинского нужно положить конец. Варварские племена на севере и на западе набирали силу, готовые в любой момент нахлынуть и истребить нас, как в свое время мы сами истребили коренное население Эллады. И где же нам искать бронзу для того моря оружия, которое нам понадобится, чтобы остановить их?

Я выслушал и пообещал найти решение. Единственным решением была война, но я знал, что многие из тех царей, которые пришли за советом, предпочтут уклониться от этой самой отчаянной из мер. Однако сегодня у меня в руках было средство предотвратить это. Благодаря Клитемнестре. Я был в расцвете сил и успел повоевать, заслужив славу. Я смог бы возглавить поход на Троя! Елена послужит предлогом. Хитрый Одиссей еще семь лет назад предвидел все, когда посоветовал покойному Тиндарею заставить женихов Елены принести эту клятву.

Чтобы имя мое пережило мою смерть, я должен был совершить великий подвиг. А разве может быть подвиг более великий, чем покорение Трои? Клятва даст мне около ста тысяч воинов – достаточно, чтобы покончить с войной в десять дней. А когда Троя превратится в руины, что помешает мне обратить внимание на прибрежные государства Малой Азии и превратить их в вассалов Эллады? Я думал о бронзе, золоте, серебре, янтаре, драгоценных камнях и землях, ждущих хозяина – меня, если я использую клятву на четвертованном коне. Да, создать империю для своего народа было в моей власти.

Моя жена и брат смотрели на меня, стоя у подножия трона; я выпрямился, напустив на себя суровый вид.

– Елену похитили.

Менелай горько покачал головой:

– Мне бы хотелось, чтобы так было, Агамемнон, но это не так. Елену не нужно было принуждать.

Я подавил сильное желание поколотить его, как делал, когда мы были мальчишками. Великая мать, какой же он глупец! Как мог Атрей, наш отец, произвести на свет такого придурка, как Менелай?

– Мне нет дела до того, как было на самом деле! – отрезал я. – Ты скажешь, что ее похитили, Менелай. Ты ведь понимаешь: малейший намек на ее добровольный побег все разрушит! Я согласен поднять армию силой клятвы, если ты будешь безоговорочно выполнять мои приказы.

Уже было смирившийся Менелай сразу вспыхнул, зардевшись.

– Да, Агамемнон, да!

Я взглянул на кисло улыбающуюся Клитемнестру. Нам обоим достались глупцы: мне брат, ей сестра, – и мы оба это понимали.

Слуга находился слишком далеко, чтобы подслушать наш разговор, и я хлопнул в ладоши, призывая его подойти ближе.

– Пришли ко мне Калханта.

Спустя несколько мгновений вошел жрец и пал передо мной ниц. Я смотрел на его затылок, гадая, что же на самом деле привело его в Микены. Он был троянцем самого знатного рода и до недавнего времени служил верховным жрецом Аполлона в Трое. Когда он отправился с паломничеством в Дельфы, пифия сказала, что он должен послужить Аполлону в Микенах. Ему было приказано не возвращаться в Трою и не служить больше Аполлону Троянскому. Когда он предстал передо мной, я послал в Дельфы, чтобы проверить его рассказ; пифия полностью его подтвердила. Калханту было суждено стать моим подданным по воле бога света. Само собой разумеется, у меня не было повода подозревать его в измене. Всего несколько дней назад он, будучи наделен провидческим даром, предупредил меня о том, что ко мне приедет брат – с великим горем.

Смотреть на него было неприятно, ибо он представлял собой редчайшую разновидность людей – настоящего альбиноса. Совершенно лысый череп с кожей белой, как брюхо морской рыбы. Темно-розовые, сильно косящие глаза на широком круглом лице, на котором застыло совершенно пустое и глупое выражение. Ложь. Калхант был далеко не глуп.

Пока он поднимался, я силился прочесть его мысли, но в его мутных, казавшихся слепыми глазах нельзя было ничего прочесть.

– Калхант, когда именно ты оставил службу у царя Приама?

– Пять лун назад, господин.

– Царевич Парис тогда уже вернулся с Саламина?

– Нет, мой господин.

– Ступай.

Он напрягся, оскорбленный тем, что я отпустил его так быстро: очевидно, в Трое он привык к большему уважению. Но Троя почитала Аполлона превыше всех остальных богов, в то время как в Микенах самым почитаемым богом был Зевс. Каково же было ему, троянцу, выполнять приказ Аполлона и служить ему в землях, которые были ему ненавистны!

Я снова хлопнул в ладоши:

– Пришли ко мне глашатая.

Менелай вздохнул, напомнив мне, что он по-прежнему стоит передо мной. Но уж вот про кого я не забыл – и кто тоже стоял перед тронном, – так это про Клитемнестру.

– Мужайся, братец. Мы вернем ее. Клятву на четвертованном коне нельзя нарушить. Ты получишь свою армию будущей весной.

Вошел глашатай.

– Ты отправишь гонцов к каждому царю и царевичу Эллады и Крита, к тем, кто семь лет назад принес царю Тиндарею клятву на четвертованном коне. Их имена ты узнаешь у жреца, который ведет учет клятвам. Твои гонцы передадут им то, что я сейчас скажу, слово в слово: «Царь, или царевич, или кто угодно, я, твой владыка, верховный царь Агамемнон, приказываю тебе приехать в Микены, чтобы поговорить о клятве, которую ты дал перед помолвкой царицы Елены с царем Менелаем». Ты запомнил?

Глашатай кивнул, гордый своей безупречной памятью.

– Да, мой господин.

– Тогда ступай.

Мы с Клитемнестрой отделались от Менелая, сказав, что ему нужно принять ванну. Он ушел совершенно счастливый: старший брат Агамемнон взял дело в свои руки, значит, ему можно расслабиться.

– Верховный царь Эллады – могущественный титул, – произнесла Клитемнестра. – Но верховный царь Ахейской империи звучит еще лучше.

Я усмехнулся:

– Я тоже так считаю, жена.

– Мне нравится идея, что Орест унаследует этот титул, – подумала она вслух.

В этом была вся Клитемнестра. В своем диком сердце она была вождем, моя царица, моя жена, и ей было досадно, что она вынуждена склоняться перед силой другого, пусть даже более сильного, чем она сама. Ее амбиции были мне хорошо известны. Ей очень хотелось занять мое место, возродить культ старых богов и использовать царя лишь в качестве живого доказательства собственной плодовитости. А когда земля застонет от невзгод, послать его под секиру. Культ великой матери на острове Пелопа был по-прежнему жив. Орест был еще очень мал. Он родился, когда я уже отчаялся иметь сына. Две его сестры, Электра и Хрисофемиды, были уже почти зрелыми девушками, когда он появился на свет. Ребенок мужского пола был ударом для Клитемнестры: она рассчитывала править за Электру, хотя позже обратила свою привязанность на Хрисофемиду. Электра обожала меня, а не мать. Однако изобретательности Клитемнестре было не занимать. Теперь, когда не было сомнений в том, что моим наследником станет Орест, крепкий младенец, его мать надеялась, что я умру раньше, чем он достигнет совершеннолетия. Тогда она смогла бы править за него. Или за нашу самую младшую дочь, Ифигению.

Некоторые из мужей, которые принесли клятву на четвертованном коне, прибыли в Микены раньше, чем Менелай вернулся из Пилоса с царем Нестором. Путь от Микен до Пилоса был неблизкий, многие же царства лежали совсем рядом. Паламед, сын Навплия, приехал быстро, и я был рад его видеть. Лишь Одиссей и Нестор превосходили его мудростью.

Я беседовал с Паламедом в тронном зале, когда по малочисленным рядам царей рангом пониже пронесся ропот. Паламед подавил смехок.

– Клянусь Гераклом, вот это колосс! Должно быть, это Аякс, сын Теламона. Он-то зачем пожаловал? Когда мы приносили клятву, он был ребенком, и его отца тоже не было в числе женихов.

Тяжелой поступью он направился к нам, самый могучий муж во всей Элладе, чьи голова и плечи возвышались над всеми в зале. Он принадлежал к группе юношей, верных суровому образу жизни атлетов, поэтому пренебрег традиционным хитоном; в любое время года и в любую погоду он ходил босым и с обнаженным торсом. Я не мог оторвать взгляд от его могучей груди, на бугрящихся мускулах которой не было ни капли жира. Каждый раз, когда он опускал огромную ногу на плитки пола, мне казалось, будто дрожат стены.

– Говорят, его двоюродный брат Ахилл такой же огромный, – сказал Паламед.

Я проворчал:

– Нам не должно быть до этого дела. Владыки севера никогда не платили Микенам дань уважения. Они считают, будто Фессалия достаточно сильна, чтобы сохранять независимость.

– Приветствую тебя, сын Теламона! – обратился я к юноше. – Что привело тебя к нам? Его серые, по-детски наивные глаза безмятежно посмотрели на меня:

– Я пришел, чтобы предложить услуги Саламина, мой господин, вместо моего отца, который болен. Он сказал, для меня это будет хорошим опытом.

Я был польщен. Какая жалость, что второй сын Эака, Пелей, был таким надменным. Теламон знал свой долг перед верховным царем, но бесполезно было ждать того же от Пелея, Ахилла и мирмидонян.

– Мы благодарим тебя, сын Теламона.

Улыбаясь, Аякс побрел прочь к группке друзей, неистово его приветствовавших, но вдруг остановился и вернулся ко мне.

– Я забыл сказать, мой господин. Со мной мой брат Тевкр. Он давал клятву.

Паламед все еще посмеивался, прикрыв рот рукой:

– Мы разве открываем школу для младенцев, мой господин?

– Да, жаль, что Аякс такой увалень. Но войсками Саламина пренебречь нельзя.

Когда подошло время ужина, у меня собрались Паламед, Аякс, Тевкр, еще один Аякс из Локриды, которого обычно называли Аякс Малый, верховный царь Аттики Менесфей, царь Аргоса Диомед, царь Этолии Фоант, царь Ормениона Эврипил и несколько других. К большому моему удивлению, многие из откликнувшихся на мой зов не давали клятву. Я объявил им, что намереваюсь вторгнуться на Троянский полуостров, захватить Трою и освободить Геллеспонт. Радея об интересах своего отсутствующего брата, я задержался на вероломстве Париса, пожалуй, чересчур долго, но это никого не ввело в заблуждение: все знали истинные причины этой войны.

– Все купцы уже стонут: дескать, необходимо открыть Геллеспонт. Нам нужно много олова и меди. Каннибалы-варвары на севере и на западе посматривают в нашу сторону. Многие из нас царствуют в городах, где население увеличилось – со всеми вытекающими последствиями: бедностью, беспорядками, заговорами. – Я обвел их суровым взглядом. – Поймите правильно: я не собираюсь начинать войну только ради того, чтобы вернуть Елену. Поход против Трои и государств Малой Азии может дать намного больше, чем просто пополнение наших богатств и неограниченный доступ к дешевой бронзе. Этот поход даст нам возможность расселить наши разросшиеся народы на богатых и малонаселенных землях, которые лежат достаточно близко. Народы на берегах Эгейского моря уже говорят на ахейских наречиях. А теперь подумайте, что вся ойкумена вокруг Эгейского моря станет Элладой! Подумайте о ней как об Ахейской империи!

О, как им это понравилось! Они жадно проглотили наживку, все до единого; мне даже не пришлось использовать клятву, чему я был рад. Алчность – лучший помощник в делах, чем страх. Конечно, Афины всегда были моими союзниками – я никогда не сомневался в том, что Менесфей поддержит меня. Так же как и Идомей с Крита, третий верховный царь, когда придет в Микены. Но четвертый, Пелей, не поддержит. Я мог надеяться, самое большее, на отдельных его вассалов.

Менелай вернулся с Нестором несколько дней спустя. Я тут же приказал привести старика ко мне. Мы сидели в моих личных покоях вместе с Паламедом. Менелая я отпустил: благоразумие подсказывало, что его стоит держать в уверенности, будто Елена – единственная причина войны. Ему ни разу не пришло в голову, чем закончится ее возвращение, и это хорошо. Он ни разу не подумал, что, когда она попадет в наши руки, ей не сносить головы.

Я представления не имел о возрасте царя Пилоса. Он был седовласым старцем уже тогда, когда я был мальчишкой. Его мудрость была безмерна, а способность проникать в суть происходящего так же остра, как и в те давние времена; в его пронизательных ярко-голубых глазах не было и намек на дряхлость, в его униженных кольцами пальцев – на старческую дрожь.

– Ну а теперь, Агамемнон, расскажи мне, что происходит, – потребовал он. – Твой брат с возрастом глупеет, вместо того чтобы набираться ума! Все, что я у него выпытал, – это какие-то бредни о том, будто Елену похитили. Ха! Я впервые слышу, чтобы эту женщину нужно было увозить силой! И не говори мне, что тебя одурачили, заставив потакать его прихотям! – Он фыркнул. – Война из-за женщины? Агамемнон, опомнись!

– Мы начинаем войну за олово, медь, расширение торговли, свободный проход через Геллеспонт и ахейские колонии вдоль Эгейского побережья Малой Азии, мой господин. Побег Елены вместе с содержимым сокровищницы моего брата – великолепный предлог, не более того.

– Гм... – Он поджал губы. – Я рад это слышать. Сколько воинов ты надеешься собрать?

– Сейчас можно говорить о восьмидесяти тысячах, да еще нестроевые помощники, которых тоже достаточно, то есть всего получится больше ста тысяч. Будущей весной мы должны отправить в поход тысячу кораблей.

– Кампания грандиозная. Надеюсь, ты хорошо все продумал.

– Естественно, – ответил я заносчиво. – Однако все закончится очень быстро: такое полчище возьмет Троию в считанные дни.

Его глаза расширились.

– Ты так думаешь? Ты уверен, Агамемнон? Ты бывал когда-нибудь в Трое?

– Нет.

– Но ты должен был слышать рассказы о троянских стенах.

– Да, конечно, я слышал! Но, мой господин, ни одни стены в ойкумене не выдержат натиска ста тысяч человек!

– Возможно... Но я советую подождать, пока твои корабли не причалят к троянскому берегу и ты сможешь лучше оценить ситуацию. Мне говорили, Троя вовсе не похожа на Афины, с их обнесенной стенами крепостью и одной стеной, которая спускается к морю. Троя полностью окружена бастионами. Я полагаю, твой поход будет успешным. Но я также думаю, что он будет долгим.

– Мы с этим не согласны, мой господин, – твердо заявил я.

Он вздохнул:

– Будь что будет. Ни я, ни один из моих сыновей не давали клятвы, но ты можешь на нас рассчитывать. Если нам не удастся сокрушить власть Трои и государств Малой Азии, Агамемнон, мы – и Эллада! – просто исчезнем. – Он посмотрел на свои кольца. – Где Одиссей?

– Я отправил гонца на Итаку.

Он прищелкнул языком:

– Пст! Одиссей не попадет на эту удочку.

– Он обязан! Он тоже дал клятву.

– Что Одиссею до клятвы, как ты думаешь? Не то чтобы кто-то из нас мог обвинить его в святотатстве, но ведь это он сам все придумал! Он наверняка прочитал ее задом наперед у себя в уме. В душе он человек мирный, и до меня доходили слухи, будто он остепенился и нашел счастье у домашнего очага. Он даже потерял вкус к интригам. Вот что может сделать с мужчиной счастливый брак. Нет, Агамемнон, он не захочет пойти с вами. Но тебе без него не обойтись.

– Я понимаю это, мой господин.

– Тогда отправляйся за ним сам. И возьми с собой Паламеда. – Он крякнул. – Рыбак рыбака видит издалека.

– Менелая тоже?

В его ярких глазах заплясали искорки.

– Обязательно. А не то он услышит слишком много про экономику и слишком мало – про любовь.

Мы поехали по суше и сели на корабль в маленькой деревушке на западном побережье острова Пелопа, чтобы переправиться через ветреный пролив на Итаку. Когда мы причалили, я мрачно оглядел остров, маленький, скалистый, кругом бесплодная пустошь, едва ли достойное царство для величайшего ума в ойкумене. Карабкаясь по крутой тропинке, которая вела к единственному на острове городу, я клял Одиссея на чем свет стоит за то, что он не позаботился снабдить свой пригодный для причала берег какими-нибудь средствами передвижения, однако в городе нам удалось найти трех блохастых ослов. Безмерно довольный, что никто из моих придворных не имел возможности наблюдать, как верховный царь взгромождается на осла, я отправился во дворец.

Несмотря на свои скромные размеры, дворец меня удивил: выглядел богато – величественные колонны и качество краски указывали на пышность внутреннего убранства. Конечно, за его супругой дали в приданое огромные земли, сундуки с золотом и драгоценности, которых хватило бы на царский выкуп. И как же ее отец, Икарий, противился, отдавая ее мужчине, который не мог обойтись без хитростей даже в состязании по ходьбе!

Я ожидал, что Одиссей поприветствует нас в портике, – молва о нашем приезде должна была нас опередить. Но когда мы, исполненные благодарности богам за благополучное прибытие, слезли с наших неблагородных скакунов, дворец встретил нас холодным безмолвием. Навстречу не вышел даже слуга. Я повел своих спутников внутрь – Зевс всемогущий, какие фрески, какое великолепие! – чувствуя себя скорее озадаченным, чем оскорбленным, и обнаружил, что там не было ни одной живой души. Даже та окающая собака, Аргос, которую Одиссей везде таскал за собой, нас не облаяла.

Двустворчатые бронзовые двери невиданной красоты указали нам на тронный зал, и Менелай распахнул створки. Мы в изумлении застыли на пороге, пожирая глазами великолепие росписей, совершенство в подборе красок и женскую фигуру, с рыданиями припавшую к подножию трона. Ее голова была скрыта гиматием, но стоило ей приподнять его, как мы сразу поняли, кто она, ибо лицо ее было густо покрыто татуировкой – голубой паутиной с карминным пауком на левой щеке: знак женщины, посвященной Афине Палладе в облике повелительницы ткацкого станка. Печать Пенелопы.

Она вскочила на ноги, потом упала на колени и поцеловала подол моей эксомиды.

– О, мой господин! Мы не ждали тебя! Приветствовать тебя в таком виде... О, мой господин!

И она тут же разразилась новым потоком слез.

При виде женщины, бьющейся в истерике у моих ног, я чувствовал себя глупее некуда. Потом я поймал взгляд Паламеда и выдавил улыбку. Разве можно ожидать, что все пойдет как надо, когда имеешь дело с Одиссеем и его половиной?

Паламед перегнулся через нее и прошептал мне на ухо:

– Мой господин, от меня будет больше пользы, если я поброжу тут немного. Можно?

Я кивнул, а потом поднял Пенелопу на ноги.

– Довольно, сестра, успокойся. Что случилось?

– Царь, мой господин! Царь сошел с ума! Совсем помешался! Даже меня не узнает! Он сейчас там, в священном саду, бормочет что-то, будто слабоумный!

Паламед вернулся как раз вовремя, чтобы это услышать.

– Мы должны взглянуть на него, Пенелопа, – заявил я.

– Да, мой господин, – согласилась она, икая, и пошла вперед, указывая нам путь.

Мы вышли в сад, расположенный позади дворца, откуда открывался вид на пахотные земли, простиравшиеся во всех направлениях; центр Итаки оказался намного плодороднее, чем окраины. Мы уже направились было вниз по ступеням, как вдруг, словно ниоткуда, появилась старуха с младенцем на руках.

– Моя госпожа, царевич плачет. Его давно пора кормить.

Пенелопа тут же взяла его на руки и принялась укачивать.

– Это сын Одиссея?

– Да, его зовут Телемах.

Я пощекотал его толстенькую щечку пальцем и двинулся дальше – судьба его отца была сейчас намного важнее. Мы прошли сквозь рощу оливковых деревьев, таких старых, что их истерзанные стволы были толщиной с быка, и оказались на обнесенной стенами делянке, где было больше голой земли, чем деревьев. И тут мы увидели Одиссея. Менелай что-то пробормотал сдавленным голосом, а я только разинул рот. Он пахал землю с самой нелепой упряжкой, какую только можно было впрячь в плуг, – быком и мулом. Они тянули и дергали в противоположные стороны, отчего плуг подбрасывало и кидало, а борозда получалась такая изогнутая, словно ее провел Сизиф. В крестьянской войлочной шляпе на рыжих волосах, Одиссей небрежно кидал что-то через левое плечо.

– Что он делает? – спросил Менелай.

– Сеет соль, – с каменным выражением лица ответила Пенелопа.

Одиссей пахал и сеял соль, бормоча бессмыслицу и заливаясь безумным смехом. Хотя он не мог нас не видеть, в его глазах не мелькнуло ни тени узнавания; если в них и светилось что-то, то только несомненное безумие. Тот самый человек, в котором мы нуждались больше, чем во всех остальных вместе взятых, был недостижим.

Зрелище было невыносимое.

– Пойдемте, оставим его.

Плуг переместился ближе к нам, животные задергались еще яростнее, не давая себя усмирить. И тут, без всякого предупреждения, Паламед прыгнул вперед. Мы с Менелаем оцепенели, а он выхватил ребенка из рук Пенелопы и положил на землю, прямо под копыта быка. Пронзительно закричав, она рванулась к младенцу, но Паламед удержал ее. И тут упряжка остановилась, Одиссей мигом очутился перед быком и поднял сына.

– Что все это значит? – спросил Менелай. – Может, он все-таки в здравом уме?

– Здоровее не бывает, – улыбнулся Паламед.

– Он притворялся безумцем?

– Конечно, мой господин. Как еще мог он избежать выполнения данной клятвы?

– Но как ты узнал? – спросил Менелай, совершенно сбитый с толку.

– Я наткнулся на разговорчивого слугу прямо у тронного зала. Он сообщил мне, что вчера Одиссею предсказали: если он поедет в Трою, то проведет вдаль от Итаки целых двадцать лет.

Паламед наслаждался своим маленьким триумфом.

Одиссей вернул ребенка Пенелопе, которая на этот раз рыдала по-настоящему. Все знали, что Одиссей – великий актер, но Пенелопа тоже умела играть. В этой паре один другого стоил. Его рука обнимала ее, в то время как серые глаза не отрываясь глядели на Паламеда. Их выражение не сулило ничего хорошего. Паламед заручился ненавистью человека, которому ничего не стоило прождать целую жизнь, пока не подвернется верная возможность отомстить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.